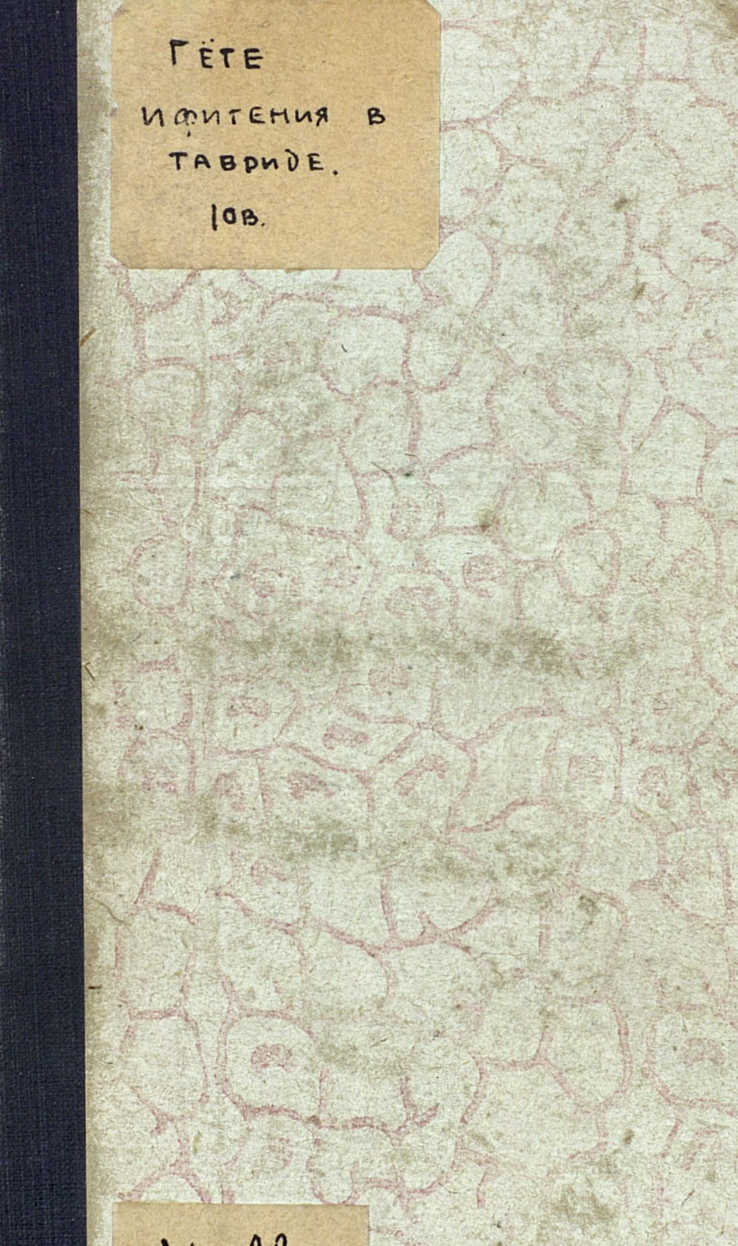

Гёте
Ифитения в
Тавриде.
10в.

КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Выпускъ 10-й.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

ТРАГЕДІЯ

ГЁТЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

В. Водовозова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго переулка, д. Франка.
1874.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 2 Сентября 1873 года.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

ТРАГЕДІЯ ГЕТЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ифигенія.
Тоасъ, царь Тавриды.
Орестъ.
Пиладъ.
Аркасъ.

Мѣстомъ дѣйствія: роща передъ храмомъ Діаны.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Ифигенія" Гете есть плодъ долгаго и основательнаго изученія древне-классическаго искусства и литературы. Поэтъ выразилъ въ ней тѣ идеи объ идеально-прекрасномъ, которыя указаны Винкельманомъ въ лучшихъ созданіяхъ античной скульптуры. Всѣ характеры, выведенные въ трагедіи, отдѣланы съ чистотою и тонкостью линій, какихъ требуетъ совершеннѣйшая пластика. Все подчинено законамъ строгой гармоніи и умѣренности; дѣйствіе развивается медленно, но съ полнотою, сосредоточиваясь, какъ и въ трагедіяхъ Софокла, преимущественно на главныхъ моментахъ:

вообще созданіе Гете, по художественности формы, имѣетъ большое достоинство.

Мы уже не говоримъ про характеръ Ифигеніи, въ которомъ съ задушевностью чувства и любовію къ семейству, свойственными германской женщинѣ, такъ искусно соединены пылкая отвага Антигоны и нѣжность героинь Еврипида; все содержаніе трагедіи во многомъ проникнуто духомъ истиннаго классицизма. Это видимъ какъ въ отдѣльныхъ сценахъ и разсказахъ, такъ и въ идеѣ грозной, карающей судьбы, служащей мотивомъ дѣйствія, хотя и второстепеннымъ.

Трагедія Гете любопытна для изученія и съ другой стороны: она указываетъ намъ на извѣстный моментъ въ собственномъ развитіи поэта. Отрекаясь отъ пылкихъ, необузданныхъ порывовъ юности, онъ видимо старается помирить въ себѣ всѣ начала истинной человѣчности, и потому высшимъ, царящимъ надъ всѣмъ закономъ представлена всепримиряющая любовь, основанная на правдѣ и благости душевной. Здѣсь уже образъ Ифигеніи принимаетъ черты, несвойственныя греческой героинѣ, или только слегка въ ней обозначенныя.

Ифигенія Еврипида *), какъ и Антигона Софокла, жертвуетъ собою прежде всего для родныхъ и отечества, потомъ и для высшихъ правъ человѣчества: онѣ прекрасно-любящія женщины, но еще болѣе прекрасныя гражданки. Согласимся, пожалуй, что въ Антигонѣ Софокла обѣ эти стороны развиты въ одинаковой мѣрѣ.

Совсѣмъ не то у Гете. Быть представителемъ славы своего семейства и отечества предназначено у него Оресту; Ифигенія только груститъ, молитъ и, гдѣ

---

*) Мы разумѣемъ „Ифигенію въ Авлидѣ“.

нужно, съ энергіей защищаетъ свое личное чувство. Но основаніемъ этого личнаго чувства служитъ чистѣйшая любовь къ человѣчеству, и тѣмъ самымъ получаетъ оно свое высокое значеніе *). Самая идея трагедіи состоитъ въ согласованіи требованій сердца съ закономъ внѣшней необходимости: сердце, конечно, должно одолѣть эту мертвящую необходимость. Герои Гете не способны дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не помирятся вполнѣ со своею совѣстью: одинъ веселый дѣятельный Пиладъ своей философіей практическаго человѣка успокоилъ въ себѣ разъ навсегда всѣ нравственные вопросы. Но Орестъ страдаетъ, какъ убійца матери; Ифигенія—въ своей борьбѣ за чувство благодарности къ Тоасу. На этой внутренней борьбѣ и основанъ весь интересъ трагедіи. По наружности же завязкою ея служитъ вопросъ, какъ бы похитить статую Діаны и счастливо уйти изъ Тавриды, и въ концѣ пятаго акта оказывается, что вовсе нѣтъ надобности трогать статуи съ мѣста.

Такимъ образомъ трагедія Гете, служа разрѣшеніемъ важныхъ психологическихъ вопросовъ, не составляетъ драмы въ Шекспировскомъ смыслѣ этого слова. Это, подобно «Фаусту», драматическая поэма. Гете прекрасно понялъ, что самая сущность событія и положеніе лицъ требовали такого развитія дѣйствія. Дѣло шло о перенесеніи статуи Діаны и объ избавленіи Ореста отъ фурій. Неужели же преступленіе можно было загладить новымъ проступкомъ: обманомъ и насиліемъ? Еврипидъ въ своей „Таврической Ифигеніи“ выводитъ

*) Съ этой точки зрѣнія Ифигенія является и спасительницею своего семейства. Ея благочестіе примиряетъ боговъ съ родомъ Тантала.

на сцену богиню Аѳину, чтобы оправдать похищеніе истукана. Но Еврипидъ думалъ только о прославленіи своей родины. Несравненно естественнѣе это искусственное явленіе божества у Гете замѣнено божественнымъ голосомъ совѣсти, которая, направляя къ добру поступки человѣка, указываетъ ему средства къ примиренію съ богами. А въ этомъ и состоитъ вся сущность событія, заключающагося въ преданіи объ Орестѣ. У Эсхила самъ герой долгими страданіями искупаетъ свой тяжкій грѣхъ; у Гете достигаетъ онъ этого еще чрезъ мольбы непорочной сестры своей. Греческая Артемида чуждается дикихъ варваровъ, приносящихъ ей человѣческія жертвы; Артемида Гете, покровительствуя самымъ варварамъ, чрезъ свою жрицу Ифигенію смягчаетъ ихъ нравы: съ этой точки зрѣнія лирическій характеръ трагедіи Гете также оправдывается ея идеею.

АКТЪ I.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ифигенія (*одна*) *).

Подъ вашу сѣнь, священныя вершины
Густовѣтвистой, темной, древней рощи,
Какъ въ тихое святилище богини,
Съ благоговѣйнымъ я трепетомъ и нынѣ
Вступаю, будто первый разъ вступала;
Все не обыкла видѣть васъ душа.
По волѣ высшей, власть которой чту,
Ужъ много лѣтъ живу здѣсь сокровенно;
Но все-жъ, какъ въ первый годъ, я на чужбинѣ.
Меня отъ милыхъ раздѣляетъ море,
И долго я стою на берегу,
Летя душой къ странѣ прекрасной Грековъ;
И на мой вздохъ лишь слышу шумъ волны,

---

*) Все дѣйствіе драмы происходитъ передъ храмомъ Діаны, въ священной рощѣ. Ифигенія выходитъ изъ храма въ эту рощу, чтобъ посмотрѣть на ближайшее море и погрустить вновь о своей далекой Греціи. Какъ попала Ифигенія въ Тавриду, она сама объясняетъ далѣе въ рѣчи своей Тоасу. Царь страны держитъ ее *въ священныхъ узахъ рабства*. Этимъ опредѣляетъ она свое положеніе, какъ жрицы, и въ то-же время, какъ чужеземки, принужденной покоряться суровымъ обычаямъ народа, среди котораго поселила ее Діана, спасши отъ закланія на жертвенномъ кострѣ. Ифигенія вспоминаетъ въ своемъ монологѣ объ отцѣ, Агамемнонѣ, который принесъ ее въ жертву Діанѣ (Артемидѣ), чтобы отплыть счастливо изъ Авлида къ Троѣ, о матери Клитемнестрѣ, о братѣ, Орестѣ, и сестрѣ Электрѣ. Болѣе 10-ти лѣтъ живя вдали отъ свѣта, она ничего не знаетъ ни о взятіи Трои, ни о страшной гибели отца своего, ни о мщеніи, совершенномъ за его убійство Орестомъ.

Плескающей изъ темной глубины.
О горе тѣмъ, которые далеко
Отъ всѣхъ родныхъ томятся одиноко.
Отравленъ имъ тоскою лучшій мигъ!
Все въ домъ отцовскій ихъ мечты уносятъ,
Гдѣ въ первый разъ на безпредѣльномъ небѣ
Блеснуло солнце имъ, гдѣ братья, сестры
Средь дѣтскихъ игръ тѣснѣе и тѣснѣе
Соединялись въ узахъ нѣжной дружбы.
Я на боговъ не жалуюсь, но все-же
Удѣлъ жены не радостенъ. Въ дому
И на войнѣ мужчина властелинъ,
Онъ и въ чужой землѣ добудетъ счастье;
Его стяжанье радуетъ, побѣда
Его вѣнчаетъ, слава въ самой смерти.
А какъ ничтожна женщины судьба!
Уже супругу грубому покорность
Ей долгъ и лучшій даръ... О какъ несчастна,
Когда еще враждебный рокъ умчитъ
Ее отъ милыхъ и родныхъ далеко!
Такъ и Тоасъ, мужъ благородный, здѣсь
Меня въ священныхъ узахъ рабства держитъ.
Какъ стыдно мнѣ признаться, что служу
Я съ тайнымъ ропотомъ тебѣ, богиня,
Тебѣ, моя спасительница! Жизнь
Должна-бъ я посвятить тебѣ свободно.
Да, я всегда надѣялась и нынѣ
Еще надѣюсь на тебя, Діана!
Ты приняла отверженную дочь
Великаго царя съ заботой нѣжной
Въ свои святыя руки. Дочь Зевеса!
Когда могучій мужъ, кому ты страхомъ

Дочерней крови требуя, была,
Когда богоподобный Агамемнонъ,
Свое дитя тебѣ принесшій въ жертву,
Тобой отъ стѣнъ разрушенныя Трои
Въ родимый край со славой возвращенъ
И сохранила ты всѣхъ благъ дороже
Ему: супругу, сына и Электру:
То возврати-же и меня къ моимъ;
Спаси меня, ты, спасшая отъ смерти,
Еще отъ жизни здѣсь, второй мнѣ смерти.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ифигенія и Аркасъ *).

Аркасъ.

Меня сюда самъ царь отправилъ къ жрицѣ
Діаниной съ поклономъ и привѣтомъ.
Въ сей день еще чудесною побѣдой
Обязана страна своей богинѣ.
Спѣшу сюда я отъ царя и войска
Тебѣ сказать, что онъ сейчасъ придетъ.

---

*) Явленіе Аркаса служитъ къ тому, чтобъ указать противорѣчіе, въ которое поставлена Ифигенія между ея любовью къ родинѣ и благодарностью къ жителямъ страны, принявшей ее гостепріимно. Обязанность не столько въ отношеніи къ Тоасу, сколько въ отношеніи къ этимъ варварамъ, для которыхъ Ифигенія становится благодѣтельницей, должна была привлекать ея сердце къ Тавридѣ. Сватовство Тоаса къ жрицѣ выведено здѣсь не съ пустою цѣлію придать драмѣ романическую завязку, или угодить вкусу публики; оно непосредственно мотивируетъ весь дальнѣйшій ходъ дѣйствія и объясняетъ

Ифигенія.

Готовы мы принять его достойно.
Богиня наша милостиво взглянетъ
На благодушный даръ изъ рукъ Тоаса.

Аркасъ.

О еслибъ также жрицы взоръ безцѣнный,
Твой многочтимый взоръ, святая дѣва,
Сіялъ свѣтлѣе, добраго всего
Намъ знакомъ! Но еще глубоко скрыта
Твоя душа въ таинственной печали;
Напрасно ждемъ мы изъ груди твоей
Ужъ много лѣтъ довѣрчиваго слова.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ знаю здѣсь тебя, то взоръ,
Передъ которымъ трепещу невольно,
Какъ будто сердце у тебя въ груди
Заковано желѣзомъ неразрывнымъ.

Ифигенія.

Какъ и должно изгнанницамъ, сироткамъ!

Аркасъ.

И здѣсь считаешь ты себя такою?

отношеніе царя къ Ифигеніи: его долгую къ ней привязанность и почетъ, которымъ она пользовалась, какъ благодѣльница народа, его рѣшеніе возобновить прежній кровавый законъ, по которому пойманные Орестъ и Пиладъ должны быть принесены въ жертву, и наконецъ борьбу въ собственномъ сердцѣ Ифигеніи за благодарность. Такимъ образомъ въ сценѣ съ Аркасомъ уже начинается постепенное развитіе драматическаго дѣйствія.

Ифигенія.

Намъ родины чужбина не замѣнитъ.

Аркасъ.

Тебѣ не стала-ль родина чужою?

Ифигенія.

Вотъ отчего мое и страждетъ сердце
Неисцѣлимой раной. Въ раннихъ лѣтахъ,
Едва душа привыкла понимать
Любовь отца, родимой и сестеръ,
Едва младыя вѣтви дружно, стройно
Изъ корня древняго прорвались къ свѣту,—
Тогда, къ несчастью, чуждое проклятье,
Меня настигнувъ, отняло у милыхъ
И разорвало нашъ союзъ прекрасный
Рукой желѣзной! Радость первыхъ лѣтъ,
Все наслажденье юности умчалось;
Во мнѣ, спасенной, только тѣнь осталась,
А ужъ увялъ на вѣки жизни цвѣтъ.

Аркасъ.

Когда себя считаешь столь несчастной,
Могу и я назвать неблагодарной.

Ифигенія.

Я благодарна.

Аркасъ.

Только не отъ сердца,
Не такъ, чтобъ за добро добромъ воздать:

Веселый взоръ, души довольной радость,
И благосклонность сердца показать.
Когда ужъ много лѣтъ назадъ тебя
Глубокой тайны полная судьба
Въ храмъ этотъ привела, какъ богомъ данной,
Тебѣ Тоасъ съ почтеньемъ и любовью
На встрѣчу вышелъ; этотъ берегъ, бывшій
Всѣмъ чужеземцамъ ужасомъ дотолѣ,
Тебѣ явился дружескимъ и мирнымъ:
Всѣ до тебя вступавшіе къ намъ въ царство
Кровавой жертвой на ступеняхъ храма
По старому обычью умирали.

Ифигенія.

Не жизнь одна даетъ дышать свободно.
И что за жизнь, когда въ священномъ мѣстѣ,
Подобно тѣни у своей могилы,
Я лишь скорбѣть должна? назвать-ли это
Самосознанья полной, свѣтлой жизнью,
Коль каждый день, въ пустыхъ мечтахъ погибшій
Насъ приближаетъ къ тѣмъ угрюмымъ днямъ,
Что у тѣней на брегѣ сонной Леты
Въ самозабвеньи праздномъ протекаютъ.
Безъ пользы жизнь подобна ранней смерти,
И эта участь женщины — моя.

Аркасъ.

Что ты сама собою недовольна,
Прощаю: эта гордость благородна;
Но жаль тебя мнѣ, всю утѣху жизни
Ты отнимаешь этимъ у себя.

И будто съ дня прибытья твоего
Ты ничего здѣсь не свершила? Кто-же
Царя угрюмый духъ развеселялъ?
Кто убѣжденьемъ кроткимъ постепенно
Обычай дикій отклонять умѣлъ,
Чтобъ не платился жизнью чужеземецъ
У алтаря Діаны? кто въ отчизну
Столь многихъ плѣнныхъ возвратилъ, избавивъ
Отъ вѣрной смерти? и сама Діана,
Не гнѣваясь, что прежней лишена
Кровавой жертвы, на твой кроткій гласъ
Не отвѣчала-ль щедрыми дарами?
Не носится-ль крылатая побѣда
Повсюду вслѣдъ за нашимъ храбрымъ войскомъ?
И не блеснула-ль лучшихъ дней заря
Здѣсь каждому, съ тѣхъ поръ, какъ царь, столь
долго,
Столь мудро, твердо нами управлявшій,
Въ присутствіи твоемъ рѣшился быть
Еще и кроткимъ, чтобы облегчить намъ
Безмолвнаго повиновенья долгъ?
И въ этомъ пользы нѣтъ? когда тобой
Отрада льется тысячамъ, когда,
Низпосланная добрымъ божествомъ,
Всему народу счастье ты приносишь
И на враждебномъ берегу пришельцамъ
Спасеніе готовишь и возвратъ?

Ифигенія.

Легко исчезнетъ малое предъ взоромъ,
Который много видитъ впереди.

Аркасъ.

Похвалишь тѣхъ, что дѣлъ своихъ не цѣнятъ?

Ифигенія.

Того хулятъ, кто вѣсъ имъ придаетъ.

Аркасъ.

И тѣхъ, что истинныхъ заслугъ не видятъ
По гордости, равно какъ тѣхъ, что ложнымъ
Тщеславно цѣну придаютъ. Повѣрь мнѣ,
На слово мужа положись, который
Тебѣ и вѣренъ и безъ лести преданъ.
Какъ царь съ тобой заговоритъ сегодня,
То облегчи ему сказать, что̀ въ мысляхъ.

Ифигенія.

Меня пугаешь каждымъ добрымъ словомъ.
Не безъ труда я часто отклоняла
Его мнѣ предложенья...

Аркасъ.

Но подумай,
Что дѣлаешь и что тебѣ полезно.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ царь лишился сына, мало
Кому изъ ближнихъ довѣряетъ онъ,
И то не такъ, какъ прежде; нерадушно
Подозрѣваетъ въ каждомъ благородномъ
Онъ замыселъ на царство; одинокой,
Безпомощной онъ старости боится,
Быть можетъ, также дерзскаго возстанья

И смерти преждевременной. Но Скиѳъ
Не любитъ многословья, царь—тѣмъ больше.
Привыкшій лишь повелѣвать и дѣлать,
Не знаетъ онъ искусства въ тонкой рѣчи
Едва замѣтно мысль свою раскрыть.
Не затрудни-жъ его молчаньемъ скрытнымъ;
Не притворись, что словъ не понимаешь.
Сама на встрѣчу выдь въ полудорогѣ.

Ифигенія.

Я ускорить должна себѣ грозу?

Аркасъ.

Ты сватовство его зовешь грозою?

Ифигенія.

Да, это мнѣ всего страшнѣй на свѣтѣ.

Аркасъ.

Хоть будь къ нему довѣрчивой за дружбу.

Ифигенія.

Пусть прежде страхъ съ души моей онъ сниметъ.

Аркасъ.

Зачѣмъ предъ нимъ скрываешь ты свой родъ?

Ифигенія.

За тѣмъ, что жрицѣ тайна ужъ прилична.

Аркасъ.

Передъ царемъ не должно тайны быть.
Хоть онъ того не требуетъ, но знаетъ,
Глубоко чувствуетъ въ душѣ великой,
Что ты предъ нимъ заботливо таишься.

Ифигенія.

Онъ недоволенъ, онъ прогнѣванъ мной?

Аркасъ.

Почти что такъ. Хоть предъ тобой молчитъ онъ;
Но нѣсколько случайныхъ словъ, намековъ
Мнѣ пояснили, что въ его душѣ
Желанье твердое владѣть тобою.
О, не оставь его на жертву злу,
Чтобы въ груди созрѣвшая печаль
Тебѣ не обратилась въ ужасъ; поздно
Тогда ты вспомнишь добрый мой совѣтъ.

Ифигенія.

Какъ? мыслитъ царь, чего бы не помыслилъ
Во-вѣки тотъ, кто именемъ своимъ
Лишь дорожитъ и страхъ святой имѣетъ
Къ богамъ: онъ мыслитъ взять у алтаря
И силой влечь меня къ себѣ на ложе?

То призову я всѣхъ боговъ и прежде
Всего Діану, твердую богиню;
Она свою защиту жрицѣ вѣрно,
Какъ дѣва дѣвѣ, радостно окажетъ.

Аркасъ.

Не бойся: пыла юношеской крови
Въ царѣ ужъ нѣтъ, чтобъ на такой поступокъ
Отважиться. Страшусь, въ его мысляхъ
Другое есть жестокое рѣшенье,
Которое исполнитъ неотмѣнно:
Такъ твердъ и непреклоненъ духъ его.
Прошу-же, если оказать другаго
Ему не можешь, будь хоть благодарной.

Ифигенія.

О! что еще ты знаешь, все скажи...

Аркасъ.

Спроси его. Вотъ, вижу, самъ идетъ онъ.
Ты чтишь его; съ довѣрчивостью дружбы
Велитъ тебѣ ужъ собственное сердце
Его принять; а съ ласковою рѣчью
Надъ благороднымъ мужемъ много власти
Имѣетъ женщина.

Ифигенія (*одна*).

Но все-жъ не вижу,
Какъ доброму послѣдовать совѣту.
Исполню долгъ мой: за благодѣянье

Съ царемъ какъ можно ласковѣе быть;
Когда-бы только сильному могла я
Пріятное сказать и вмѣстѣ правду!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ифигенія. Тоасъ.

Ифигенія.

О царственнымъ добромъ благослови
Тебя богиня! дай побѣду, славу,
Богатство, счастье подданнымъ твоимъ;
Тебѣ—свершенье всѣхъ благихъ желаній!
Чтобъ, управляя многими въ заботѣ,
Изъ многихъ лучшимъ счастьемъ наслаждался!

Тоасъ.

Доволенъ былъ-бы я хвалой народа:
Что пріобрѣлъ я, больше моего
Другимъ въ утѣху служитъ. Всѣхъ счастливѣй
Тотъ человѣкъ, будь царь онъ или нищій,
Кто счастіе въ своемъ дому находитъ.
Брала участье въ скорби ты моей,
Какъ мечь враговъ у сердца моего
Послѣдняго, любимца сына отнялъ.
Покуда месть душой моей владѣла,
Дворецъ пустымъ мнѣ не казался; нынѣ-жъ,
Когда исполнилъ я свое желанье,
Ихъ царство раззоривъ, отмстивъ за сына,
Въ дому ничто не радуетъ меня.
Веселая покорность, въ каждомъ взорѣ

Сіявшая мнѣ прежде, ужъ тускнѣетъ
Теперь заботой, тайнымъ недовольствомъ.
Всѣ мыслятъ, что то ждетъ ихъ впереди
И за бездѣтнымъ слѣдуютъ по нуждѣ.
Вотъ прихожу сегодня въ этотъ храмъ,
Куда столь часто я вступалъ побѣды
Молить и за побѣду благодарный.
Несу я въ сердцѣ старое желанье;
Не будетъ неожиданнымъ иль чуждымъ
Оно тебѣ: надѣясь я, на счастье
Народа моего, на счастье мнѣ,
Ввести тебя въ свой домъ супругой нынѣ.

Ифигенія.

Для неизвѣстной слишкомъ уже много
Щедроты, царь... бѣглянка предъ тобой
Краснѣть готова: здѣсь на берегу
Себѣ защиты только и покоя
Она искала; все, ты все ей далъ.

Тоасъ.

Что предо мною ты, какъ предъ послѣднимъ,
Скрываешь тайну своего прибытья,
Въ странѣ то всякой было-бы нечестно.
Пришельцамъ страшенъ этотъ берегъ: такъ
Законъ повелѣваетъ и нужда.
Тебѣ же всѣ права даны: у насъ
Обласканная гостья, жизнь приводишь
По собственной ты прихоти и волѣ;
За наше все гостепріимство больше
Я отъ тебя довѣренности ждалъ.

Ифигенія.

Нѣтъ, царь, причина есть тому иная,
Что имя я родителей и домъ свой
Скрываю.... Ахъ, когда-бъ ты только зналъ,
Кто предъ тобою, подъ какимъ проклятьемъ
Тобой такъ нѣжно призрѣнная дѣва!
Затрепетала-бъ въ ужасѣ невольно
Душа твоя великая: не тронъ
Мнѣ предложилъ-бы раздѣлять, а, можетъ,
Ужъ изгналъ-бы меня давно изъ царства;
Меня-бы, прежде чѣмъ возвратъ счастливый
Съ концемъ блужданья мнѣ сужденъ, быть можетъ,
Ты вергъ въ бѣду, какая ждетъ повсюду
Изнанниковъ изъ родины, скитальцевъ,
Съ подъятою, безжалостной рукою.

Тоасъ.

Чтобъ ни рѣшили боги о тебѣ,
Чтобъ ни судили дому твоему,
Все-жъ развѣ мало благостей съ небесъ
Нисходитъ къ намъ, съ-тѣхъ-поръ какъ ты у насъ
Почетомъ гостя пользуясь, живешь.
Съ трудомъ повѣрю, чтобъ въ тебѣ вину
Души преступной взялъ я подъ защиту.

Ифигенія.

Не гость, а милость благъ тебѣ податель.

Тоасъ.

Добра не будетъ въ милости къ преступнымъ.

Оставь-же нынѣ скрытность и молчанье;
Душѣ моей чужда несправедливость;
Богиня мнѣ тебя передала:
Какъ ей свята была ты, такъ и мнѣ.
Ея мнѣ воля и впередъ законъ.
Коль на возвратъ тебѣ надежда есть,
Отъ требованій всѣхъ тебя избавлю.
Но изгнанъ родъ твой иль какимъ великимъ
Несчастьемъ истребленъ, по всѣмъ законамъ
Моя, моя ты... говори-жъ открыто:
Ты знаешь, слово я сдержу навѣрно.

Ифигенія.

Какъ трудно разрѣшить отъ старыхъ узъ
Свои уста, чтобъ наконецъ открыть
Скрываемую долго тайну! Разъ ужъ
Повѣрена, покинетъ безъ возврата
Въ глубокомъ сердцѣ вѣрный свой пріютъ,
Къ вреду иль къ пользѣ? воля въ томъ боговъ,—
Узнай-же: я изъ Танталова рода *).

Тоасъ.

Великое произнесла ты слово.

---

*) Весь слѣдующій разсказъ въ точности составленъ по греческимъ преданіямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ драмахъ, касающихся судебъ Атреева дома, у Эсхила, Софокла и Еврипида. О казни Тантала упоминаетъ и Гомеръ (Одис. XI, 582—592). Этими преданіями пользовался Гёте, чтобы дать драматическую обстановку своей трагедіи. Въ нихъ на самомъ дѣлѣ болѣе сценическаго дѣйствія, чѣмъ въ идеальныхъ чувствахъ Ифигеніи и Ореста.

Изъ предковъ не того-ли называешь,
Кто сталъ извѣстенъ свѣту, какъ любимецъ
Боговъ когда-то? — Тотъ-ли это Танталъ,
Что принятъ Зевсомъ былъ, какъ собѣседникъ,
Чей разговоръ, живой игры ума
И опытности полный, какъ оракулъ
Самихъ боговъ увеселялъ?

Ифигенія.

Тотъ самый.

Но боги не должны-бы обращаться
Съ людьми, какъ будто съ равными; родъ смертныхъ
Ужъ слишкомъ слабъ, чтобъ твердо устоять
На непривычной высотѣ. Безчестенъ,
Или какой измѣнникъ не былъ Танталъ.
Но для слуги высокъ, а для пріязни
Съ властителемъ громовъ лишь человѣкъ.
Какъ человѣкъ и согрѣшилъ онъ; судъ ихъ
Жестокъ былъ; говорятъ пѣвцы: надмѣнность
И непокорство отъ трапезы Зевса
Къ позору Тартара его низвергли.
Ахъ, и весь родъ его понесъ съ собою
Ихъ ненависть!

Тоасъ.

Виной своей иль предковъ?

Ифигенія.

Грудь мощная и крѣпкій духъ Титановъ
Отчасти сыновей его и внуковъ

Наслѣдьемъ были; но вокругъ чела ихъ,
Казалось, богъ сковалъ желѣзный обручъ;
Умѣренность, совѣтъ, терпѣнье, мудрость
Сокрылъ предъ ихъ угрюмымъ, дикимъ взоромъ.
Страсть каждая имъ въ ярость обращалась
И ярость ихъ ни въ чемъ границъ не знала;
Ужъ Пелопсъ, волею гигантъ, любимый
Сынъ Тантала, убійствомъ и измѣной
Прелестную себѣ супругу добылъ
Гипподамію, Эномая дочь *).
Два сына были плодъ желанный брака,
Атрей и Θіестъ. Съ завистью взирали
Они на брата старшаго: отцемъ
Любимый больше, онъ еще отъ первой
Жены родился. Злоба ихъ сдружила
И втайнѣ совершить они рѣшились
Братоубійство, первое злодѣйство.
Отецъ-же ложно обвинилъ въ убійствѣ
Гипподамію; грозно у нея
Сталъ требовать онъ сына... умертвила
Она сама себя....

Тоасъ.

Замолкла ты?..
Что-жъ? продолжай... быть искренной не бойся.

---

*) По преданію, Пелопсъ, чтобъ получить Гипподамію, долженъ былъ состязаться съ Эномаемъ въ колесничномъ бѣгѣ. Онъ подкупилъ возницу царя, Миртиля, и такимъ образомъ выигралъ побѣду; Эномай погибъ, выпавъ изъ колеесницы.

Ифигенія.

Счастливъ, кому пріятна мысль о предкахъ,
Кто слухъ займетъ плѣнительнымъ разсказомъ
Объ ихъ дѣлахъ, величьи, и въ ряду
Прекрасномъ ихъ звеномъ послѣднимъ цѣпи
Увидитъ съ тихой радостью себя.
Не вдругъ родится полубогъ иль извергъ
Въ какой-нибудь семьѣ; но цѣлый рядъ
Злыхъ или добрыхъ свѣту наконецъ
Приноситъ ужасъ, радостью бываетъ.
По смерти ихъ отца, Атрей и Өіестъ
Владѣли вмѣстѣ городомъ. Согласье
Не долго длилось; скоро ложе брата
Осквернено Өіестомъ; мстя Атрей
Изгналъ его изъ царства. Ужъ давно,
О тяжкомъ злодѣяньи мысля, Өіестъ
Искусно сына братняго похитилъ
И льстивый, тайно, будто своего,
Вскормилъ въ дому. Онъ яростью и мщеньемъ
Его наполнилъ грудь и въ царскій городъ
Отправилъ, чтобъ отца роднаго въ дядѣ
Онъ умертвилъ. Но замыселъ открытъ,
Царемъ казненъ подосланный убійца,
Какъ брата сынъ. Ужъ поздно онъ узналъ,
Кто среди пытокъ умеръ передъ взоромъ
Его слѣпымъ. Сгарая жаждой мщенья,
Замыслилъ онъ неслыханное дѣло:
Явивъ себя спокойнымъ, равнодушнымъ,
Онъ брату миръ притворно объявилъ,
Призвалъ его къ себѣ съ двумя сынами,
Схватилъ дѣтей, убилъ ихъ и—ужасно!..

Онъ эту отвратильную пищу
На первомъ пиршествѣ поднесъ отцу.
Какъ Ѳіестъ собственой своею плотью
Насытился, тоска его взяла:
Дѣтей онъ требуетъ; ужъ вотъ, казалось,
Шаги ихъ, голосъ слышитъ у дверей...
Тогда Атрей бросаетъ съ ѣдкимъ смѣхомъ
Ему убитыхъ голову и ноги...
Ты въ ужасѣ свой отвращаешь взоръ, —
Да, царь, такъ ликъ свой солнце отвратило,
И, содрогнувшись, колесница Феба
Отъ колеи небесной уклонилась.
Вотъ предки твоей жрицы; не одну
Еще судьбу злосчастную мужей
И не одно безумства злое дѣло
Скрываетъ подъ крыломъ тяжелымъ ночь,
Намъ только блѣдный сумракъ оставляя.

Тоасъ.

Сокрой и ты въ молчаньи. Ужъ довольно
Намъ ужасовъ. Скажи, какимъ-же чудомъ
Отъ дикой отрасли родилась ты.

Ифигенія.

Атрея старшій сынъ былъ Агамемнонъ.
Онъ мой отецъ. Но съ самыхъ первыхъ дней,
Могу признаться, я привыкла видѣть
Въ немъ мужа совершеннѣйшаго образъ.
Отъ Клитемнестры у него родились
Я, первенецъ любви, потомъ Электра.
Спокойно правилъ царь; давно желанный

Миръ данъ былъ дому Тантала, казалось.
Для счастія родителей лишь сына
Недоставало, и едва желанье
Исполнилось, что между двухъ сестеръ
Орестъ любимецъ выросъ, ужъ гроза
Опять надъ тихимъ домомъ поднялася.
До васъ дошла молва о той войнѣ,
Которая на месть за похищенье
Жены прелестной всѣхъ вождей Эллады
Къ стѣнамъ Троянскимъ грозно привела?
Я не слыхала, взятъ-ли ими городъ,
Достигнута-ли цѣль ихъ. Мой отецъ
Начальствовалъ надъ греками. Въ Авлидѣ
Они вѣтровъ попутныхъ ждали тщетно.
На ихъ вождя великаго Діана
Гнѣвна была, спѣшившихъ удержала
И требовала Калхаса устами
На жертву старшей дочери царя.
Вотъ приманили съ матерью меня
Обманомъ въ лагерь, на алтарь схватили
И принесли меня богинѣ въ жертву.
Она смягчилась; не желала крови
Она моей и, въ облакѣ укрывъ,
Спасла меня отъ смерти: первый разъ
Ужъ только въ этомъ храмѣ я очнулась.
И вотъ та Ифигенія сама,
Атрея внучка, дочь Агамемнона,
Богини достоянье, здѣсь съ тобою!

Тоасъ.

Для дочери царя довѣрья больше
Иль предпочтенья, чѣмъ для неизвѣстной,

Нѣтъ у меня; но повторяю то-же:
Пойдемъ со мной и все раздѣлимъ вмѣстѣ.

Ифигенія.

Какъ на такой мнѣ шагъ рѣшиться, царь?
Одна богиня, спасшая меня
Владѣетъ жизнью, ей ужъ посвященной.
Убѣжище мнѣ давъ, хранитъ она,
Быть можетъ, лучшей радостью на старость
Меня отцу, который ужъ довольно
Моею мнимой смертью былъ наказанъ.
Мнѣ можетъ близокъ радостный возвратъ,
И по ея путямъ я не пойду,
Свяжу себя ея противно волѣ?
Чтобъ здѣсь остаться—знаменье мнѣ нужно.

Тоасъ.

Что все ты здѣсь, ужъ знаменьемъ тому.
Такихъ не нужно робкихъ отговорокъ;
Въ отказѣ рѣчи длинныя напрасны:
Кому отказъ, тотъ слышитъ только: нѣтъ.

Ифигенія.

То не слова, чтобъ только ослѣплять.
Я сердце все мое тебѣ открыла.
Сознайся самъ, какъ съ боязливымъ чувствомъ
Должна я къ матери, къ отцу и сестрамъ
Душой стремиться? Чтобъ въ палатахъ древнихъ,
Какъ будто о новорожденной радость
Цвѣты сплетала отъ колоннъ къ колоннамъ!
О, еслибъ ты послалъ меня туда!

И мнѣ и всѣмъ жизнь новую ты далъ-бы.

Тоасъ.

Такъ возвращайся! дѣлай, какъ по сердцу,
А доброму совѣту и разсудку
Внимать зачѣмъ? Будь женщиной вполнѣ,
Отдайся необузданному чувству,
Которое несетъ подобно вихрю
Туда-сюда. Ужъ если загорится
Въ васъ это чувство, никакія узы
Святыя не помогутъ: соблазнитель
Васъ у супруга, у отца отниметъ
Изъ вѣрныхъ, долго васъ хранившихъ рукъ.
Молчитъ-же страсть кипучая въ груди,
То золотыя, вѣрныя уста
Всей силой убѣжденья васъ не тронутъ.

Ифигенія.

Царь, слово благородное мнѣ далъ ты!
За искренность мою такая-ль плата?
Все слышать былъ, казалось, ты готовъ,

Тоасъ.

Но не къ тому, чего совсѣмъ не ждалъ,
А ждать былъ долженъ: развѣ я не зналъ,
Что дѣло съ женщиной имѣю?

Ифигенія.

Царь,
Нашъ бѣдный полъ напрасно не кори.
Хоть и не столь блистательно, какъ ваше,

Но также честно женщины оружье.
Повѣрь мнѣ: въ томъ мой перевѣсъ, что лучше
Твое я счастье вижу, чѣмъ ты самъ.
Ты мнишь, себя не зная и меня,
Что въ узахъ болѣй близкихъ ждетъ насъ счастье.
Съ желаньемъ добрымъ, съ доброю надеждой
Настойчиво мнѣ руку предлагаешь,
А я благодарю боговъ, что дали
Они мнѣ твердость не принять союза,
Который былъ-бы ими осужденъ.

Тоасъ.

Твое-то сердце говоритъ, не боги!

Ифигенія.

Они чрезъ сердце наше и гласятъ намъ.

Тоасъ.

А я ихъ слышать права не имѣю?

Ифигенія.

Не слышенъ въ шумѣ бури нѣжный голосъ.

Тоасъ,

То жрица только можетъ имъ внимать?

Ифигенія.

Пусть прежде всѣхъ имъ внемлетъ царь.

Тоасъ.

Тебя
Твой санъ святой, наслѣдственное право
На дружбу Зевса близитъ ужъ съ богами
Не такъ, какъ сына дикаго земли.

Ифигенія.

То остается мнѣ лишь сожалѣть,
Что такъ тебѣ довѣрилась невольно.

Тоасъ.

Я человѣкъ, и лучше намъ покончить.
Не отступлю отъ слова: будь, какъ прежде,
Богини жрицей, по ея-жъ избранью;
Но мнѣ прости Діана, что донынѣ
Неправо, съ тайнымъ совѣсти упрекомъ,
Лишалъ ее старинной жертвы я.
Лишь ты своею дружбою, въ которой
То дочери я нѣжную любовь,
То тихую привязанность супруги
Съ утѣхой видѣлъ, какъ волшебной цѣпью,
Меня сковала и забылъ я долгъ свой.
Ты успокоила во мнѣ сомнѣнья,
И ропота народа я не слышалъ.
Теперь ужъ громко въ ранней смерти сына
Меня винитъ онъ: для тебя не стану
Я болѣе удерживать толпу,
Что̀ требуетъ съ настойчивостью жертвы.

Ифигенія.

Вѣкъ для себя того я не желаю.
Не понимаетъ тотъ боговъ, кто видитъ
Въ нихъ кровожадность; лишь свою жестокость
Имъ придаетъ онъ. Не сама-ль богиня
Спасла меня изъ рукъ жреца? моя
Пріятнѣй служба ей была, чѣмъ смерть.

Тоасъ.

Не слѣдуетъ своимъ разсудкомъ шаткимъ
Намъ смѣло толковать иль измѣнять
По прихоти души святой обычай.
Свой долгъ исполни, я исполню свой.
Два чужеземца найдены въ пещерѣ
На берегу; землѣ моей добра
Не жду отъ нихъ, велѣлъ я ихъ схватить.
Пускай твоей богинѣ будутъ первой,
Законной, ужъ давно желанной жертвой.
Пришлю сюда ихъ; службу знаешь ты.

(*Уходитъ*).

Ифигенія (*одна*).

Облака ты имѣешь, моя спасительница,
Чтобъ укрыть въ нихъ невинно-гонимую,
Унести изъ рукъ желѣзной судьбы
На вѣтрахъ, черезъ бездны морскія,
Чрезъ пространства земли безпредѣльныя,
И куда лишь угодно тебѣ, милосердая.
Ты мудра, ты провидишь грядущее,
Для тебя нѣтъ забвенья минувшему,

И твой взоръ надъ твоими покоится,
Какъ твой свѣтъ, оживляющій ночь,
Надъ землей усыпленною бодрствуетъ *).
Воздержи, воздержи мои руки отъ крови,
Никогда въ ней не будетъ добра и покою;
И убійцу печально тревожнаго
Образъ даже случайно убитыхъ
Въ часъ ночной сторожитъ и пугаетъ.
Да, безсмертные милуютъ доброе племя
На землѣ необъятной живущихъ людей.
Готовы охотно смертнымъ они
Срокъ мимолетной жизни продлить;
Охотно даруютъ еще хоть на мигъ
Ихъ святое, вѣчное небо
Въ наслажденьи любви созерцать.

---

*) Извѣстно, что Діанѣ поклонялись между прочимъ какъ лунѣ, богинѣ ночи. Напротивъ, братъ ея, Аполлонъ былъ олицетвореніемъ солнца. Вся молитва Ифигеніи къ Діанѣ написана въ духѣ хорическихъ пѣсней Еврипида, исполненныхъ часто самаго возвышеннаго лиризма, но выражаетъ идею человѣколюбія, болѣе свойственную христіанскому міру.

АКТЪ II.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Орестъ. Пиладъ.

Орестъ *).

То смертный путь теперь лежитъ предъ нами;
Моя душа спокойнѣй съ каждымъ шагомъ.
Какъ Аполлона я молилъ избавить
Меня отъ грозныхъ, мстительныхъ богинь,
Сопутницъ неотступныхъ, онъ, казалось,
Оракуломъ, ласкающимъ надежду,
Мнѣ помощь и спасенье обѣщалъ
Въ святилищѣ своей многолюбимой
Сестры, которой власть надъ всей Тавридой;
Исполнилось теперь, что всѣ напасти
Окончатся вполнѣ съ моею жизнью.

---

*) Во второмъ актѣ мы видимъ Ореста и Пилада скованными, пока Ифигенія не снимаетъ съ нихъ цѣпи. Орестъ прибылъ въ Тавриду, чтобъ, исполнивъ оракулъ Аполлона, избавиться отъ преслѣдованія фурій. Онъ, какъ полагаетъ, долженъ похитить истуканъ Артемиды и перенести его въ Грецію. Но вотъ съ самаго начала герой уже не можетъ дѣйствовать, по двумъ причинамъ: онъ въ цѣпяхъ и кромѣ того на его совѣсти лежитъ тяжелый грѣхъ. Фуріи, выведенныя у Эсхила на сцену, замѣнены у Гёте внутреннимъ страданіемъ: мрачнымъ уныніемъ и отчаяньемъ души, заклейменной пятномъ убійства. Такимъ-образомъ сцены между Орестомъ, Пиладомъ и Ифигеніей, исполненныя самаго живаго дѣйствія у Еврипида (Ифигенія въ Тавридѣ), у Гёте выражаютъ одни чувства, на цѣлые два акта останавливающія движеніе драмы. Одинъ только бодрый характеръ Пилада, совершенно погруженнаго во внѣшнія событія, оживляетъ нѣсколько сценическое дѣйствіе. Какъ-бы то ни было, всѣ эти лирическія сцены истинно-прекрасны и вполнѣ вытекаютъ изъ общей идеи драмы.

Какъ мнѣ легко, когда рука боговъ
Смыкаетъ сердце, омрачаетъ умъ,
Съ прекраснымъ свѣтомъ дня навѣкъ разстаться.
Пусть не дано Атрея внукамъ въ битвѣ
Съ вѣнцомъ побѣднымъ гибнуть; пусть, какъ предки,
Какъ мой отецъ, и я въ кровавыхъ мукахъ
Паду подобно жертвенному звѣрю —
Пускай! все-жъ лучше здѣсь при алтарѣ,
Чѣмъ въ потаенномъ мѣстѣ, гдѣ злодѣй,
Родной вашъ близкій, скрытно сѣти ставитъ.
Подземные, покою мнѣ покуда!
Вы, что за кровью, каплющей повсюду
Со стопъ моихъ, мой означая путь,
Слѣдите чутко, жаднымъ псамъ подобно —
Покою! скоро, скоро къ вамъ сойду.
И мнѣ, какъ вамъ, не видѣть свѣту дня;
Земли коверъ зеленый, пышный мертвымъ
Не будетъ мѣстомъ поприща. Найду васъ
Тамъ подъ землею: въ вѣчной тусклой ночи
Тамъ всѣхъ одна судьба соединитъ.
Тебя лишь, мой Пиладъ, тебя, безвинный
Моей вины участникъ и изгнанья,
Какъ жаль мнѣ брать тебя, еще младаго,
Въ юдоль печали! Жизнь твоя иль смерть
Одной еще надеждой мнѣ иль страхомъ.

Пиладъ.

Я не готовъ еще, какъ ты, Орестъ,
Переселиться въ это царство мертвыхъ.
Надѣюсь все: по сбивчивымъ стезямъ,
Ведущимъ насъ, какъ мнится, въ темной ночи,

Еще мы можемъ выпутаться къ жизни.
О смерти я не думаю; я мыслю,
Я вслушиваюсь, не дадутъ-ли боги
Совѣтъ и путь намъ къ радостному бѣгству.
Боимся, не боимся-ль смерти, все-же
Ея не избѣжать. Какъ жрицу руку
Подниметъ срѣзать наши кудри въ жертву,
Одной я только мыслью о твоемъ
И о моемъ спасеньи буду занятъ.
То ободрись душей; своимъ сомнѣньемъ
Опасность ускоряешь ты; намъ слово
Далъ Аполлонъ: въ святилищѣ сестры
Утѣха, помощь — все тебѣ готово.
Слова боговъ двузначны не бываютъ,
Какъ мнитъ въ своемъ унныньи несчастливецъ.

Орестъ.

Ужъ мать покровомъ чернымъ осѣнила
Чело мнѣ молодое; такъ возросъ я,
Во всемъ отца подобье, и нѣмой
Мой взоръ всегда упрекомъ ѣдкимъ былъ
Ей и ея любовнику. Какъ часто,
Когда сестра Электра одиноко
Въ тиши палатъ сидѣла у огня,
Въ тоскѣ жестокой ей на грудь я падалъ
Оцѣпенѣлый.... и въ слезахъ блистали
Ея большіе очи. Говорила
Она мнѣ много объ отцѣ великомъ.
Какъ видѣть я желалъ его, обнять!
То мыслью въ Троѣ былъ съ нимъ, то въ дому....
И день насталъ....

Пиладъ.

Оставь: объ этомъ часѣ
Пусть духи тьмы бесѣдуютъ въ ночи.
Воспоминанье лучшихъ дней намъ дастъ
На новый путь геройскій новой силы.
Богамъ на службу нуженъ кой-какой
Искусный мужъ въ обширномъ здѣшнемъ мірѣ.
У нихъ и ты въ счету; тебѣ не дали
Они сопутствовать отцу, который
Насильно былъ сведенъ въ Аидъ.

Орестъ.

О лучше-бъ,
Одежды край схвативъ, за нимъ сошелъ я!

Пиладъ.

Но боги, сохранившіе тебя,
И обо мнѣ заботились: чтобъ сталось
Со мной, погибни ты, представить трудно.
Съ тобой и только для тебя живу
И жить могу я съ самыхъ дѣтскихъ дней *).

*) Когда Клитемнестра убила супруга, Электра спасла своего маленькаго брата, и онъ воспитанъ былъ въ домѣ отца Пиладова, Строфія, который былъ мужемъ сестры Агамемнона. Объ этомъ разсказываетъ самъ Орестъ въ третьемъ актѣ. Какъ ни идеальна дружба его съ Пиладомъ, однакожь она въ точности воспроизводитъ главнѣйшую черту греческихъ нравовъ: дружба у грековъ стояла несравненно выше эгоистическихъ отношеній мужчины къ женщинѣ.

Орестъ.

Не вспоминай о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ,
Когда твой домъ пріютъ мнѣ дамъ свободный,
Съ любовью мудрой честный твой отецъ
Полупоблекшій цвѣтъ младой лелѣялъ;
И ты всегда веселый сотоварищъ,
Какъ радужный, игривый мотылекъ
Вкругъ темнаго цвѣтка, вокругъ меня
Порхалъ, рѣзвился, полонъ юной жизни.
Своей утѣхой на душу мнѣ вѣялъ,
Чтобъ, окрыленъ отвагой молодой,
Извѣдать счастье я летѣлъ съ тобой.

Пиладъ.

Къ тебѣ съ любовью началась тогда
И жизнь моя.

Орестъ.

Скажи: «мое несчастье» —
Вѣрнѣе скажешь. То всего ужаснѣй
Въ моей судьбѣ, что, какъ изгнанникъ чумный,
Скорбь тайную и смерть ношу въ груди;
Что, гдѣ ступлю среди людей здоровыхъ,
Вокругъ меня въ чертахъ цвѣтущихъ лицъ
Ужъ видны смерти медленныя муки.

Пиладъ.

Такъ я, Орестъ, скорѣе всѣхъ-бы умеръ,
Когда-бъ твое дыханье отравляло.
Не полонъ-ли я все отваги бодрой?
А вѣрь мнѣ бодрость свѣтлая, любовь
Для дѣлъ великихъ крылья...

Орестъ.

Дѣлъ великихъ?
Да, было время, мы о нихъ мечтали!
Какъ по горамъ и доламъ за звѣрями
Гонялись вмѣстѣ мы, надѣясь также,
Подобны славнымъ предкамъ грудью, дланью,
Съ мечемъ и грозной палицей въ рукахъ,
Чудовище, грабителя настигнуть;
Какъ вечеромъ, безмолвные, другъ къ другу
Склонясь, въ раздумьи тихомъ мы сидѣли
У моря безпредѣльнаго, и волны
Играя, къ нашимъ падали ногамъ;
Широкъ, открытъ лежалъ предъ нами свѣтъ, —
Тогда одинъ изъ насъ за мечь хватался,
И дѣлъ грядущихъ блескъ насъ окружалъ,
Безчисленныхъ, какъ звѣзды въ тьмѣ ночной.

Пиладъ.

Трудъ безконеченъ, что душа стремится
Исполнить. Каждый подвигъ нашъ хотѣли-бъ
Такимъ великимъ тотчасъ мы содѣлать,
Какъ возрастетъ онъ, много лѣтъ спустя,
Когда его уста пѣвца возвысятъ,
По всѣмъ землямъ изъ рода въ родъ прославивъ.
Когда, во мглѣ вечерней отдыхая,
На арфѣ тихо юноша играетъ,
Содѣланное нашими отцами
Звучитъ такъ сладко; дѣло-жъ нашихъ рукъ
Какъ было и у нихъ, одинъ пустой,
Недовершенный и тяжелый трудъ!
Бѣжимъ за тѣмъ мы, что отъ насъ летитъ,
И сами своего пути не видимъ:

И предковъ намъ стопы едва замѣтны
И слѣдъ земной ихъ жизни подлѣ насъ.
Мы все спѣшимъ за тѣнью ихъ; далеко
Она вѣнчаетъ, какъ небесный призракъ,
На облакѣ златомъ горы вершину!
Я не цѣню того, кто все мечтаетъ,
Какъ, можетъ быть, его народъ возвыситъ;
Но, юноша, благодари боговъ
Что въ юныхъ лѣтахъ много такъ содѣлалъ.

Орестъ.

Кому боговъ даяньемъ славный подвигъ,
Что отъ друзей онъ гибель отклонилъ,
Свое возвысилъ царство, безопасность
Границамъ далъ, и старые враги
Бѣгутъ иль гибнутъ—тотъ благодари.
Послѣдняя и первая на свѣтѣ
Дарована ему богами радость.
Быть палачомъ они меня избрали,
Убійцей матери всегда почтенной;
И дѣло мстя постыдное, постыдно
По волѣ ихъ я гибну. Вѣрь мнѣ, судъ
Надъ домомъ Тантала рѣшенъ; послѣдній,
Не безъ вины, не съ честью я умру.

Пиладъ.

На сынѣ мстить отцовскаго злодѣйства
Не будутъ боги; добрый или злой,
Получитъ всякъ за собственное дѣло
И мзду свою; отцевъ благословенье,

А не проклятье служитъ намъ наслѣдьемъ *).

Орестъ.

Не думаю, чтобъ ихъ благословенье
Насъ привело сюда.

Пиладъ.

Но все-же воля
Боговъ святая.

Орестъ.

Воля ихъ сгубитъ насъ.

Пиладъ.

Свершай велѣнье только ихъ и жди:
Какъ Аполлону возвратишь сестру,
И нераздѣльно въ Дельфахъ будутъ жить
Они, народомъ чтимы благодушнымъ,—
То за такое дѣло, вѣрно, милость
Небесная чета тебѣ окажетъ:
Спасетъ изъ рукъ богинь подземныхъ; въ эту
Ужъ рощу ни одна изъ нихъ не вступитъ **).

---

*) Въ этихъ словахъ высказывается главнѣйшая мысль Гётевой драмы. Греки допускали милосердіе боговъ на столько, что потомство, уже испытавъ на себѣ кару безсмертныхъ, идущую изъ рода въ родъ, наконецъ достигаетъ примиренія съ ними.

**) У Эсхила однако фуріи (Евмениды), преслѣдующія Ореста смѣло являются сначала въ Дельфахъ, а потомъ въ храмѣ Минервы (Аѳины); но благодѣтельная богиня смиряетъ ихъ неукротимый нравъ и заставляетъ благотворительствовать смертнымъ. На это измѣненіе характера фурій Гёте не обратилъ вниманія: онѣ остаются у него по прежнему адскими богинями.

Орестъ.

То хоть спокойной смерти я достигну.

Пиладъ.

Совсѣмъ иначе думаю: искусно
Минувшее я съ будущимъ связалъ,
И обсудилъ въ тиши. Давно ужъ дѣло
Великое въ совѣтѣ у боговъ,
Быть можетъ, зрѣетъ. Изъ земли сей дикой,
Отъ жертвы человѣческой, кровавой
Душа Діаны жаждетъ удалиться;
Мы избраны на сей прекрасный подвигъ,
На насъ возложенъ онъ: чудесный случай,
Едва приплыли, насъ привелъ сюда *).

Орестъ.

Съ искусствомъ дивнымъ сплесть въ одно умѣешь
Совѣтъ боговъ ты и свои желанья.

Пиладъ.

Что мудрость человѣка, если къ высшей,
Небесной волѣ слуха не склоняетъ?
Богъ призываетъ на тяжелый подвигъ
Преступнаго во многомъ человѣка:
И невозможно, кажется, исполнить,

*) Такъ дѣйствительно представлено у Еврипида (Ифигенія въ Тавридѣ); но у Гёте главный интересъ сосредоточенъ на Ифигеніи, которая, какъ увидимъ, достигаетъ того, что варвары становятся *достойными* имѣть у себя ликъ богини.

Но побѣдитъ герой: богамъ и свѣту
Онъ служитъ честно, и бываетъ чтимъ.

Орестъ.

Назначенъ я, чтобъ дѣйствовать и жить,
То пусть мнѣ богъ съ тяжелаго чела
Недугъ тотъ сниметъ, что подобно вихрю
Меня влечетъ по скользкому пути,
Обрызганному матернею кровью,
Въ подземный край,—пусть, милостивъ, осушитъ
Источникъ, что изъ материнскихъ ранъ,
Струясь ко мнѣ, меня пятнаетъ вѣчно.

Пиладъ.

Съ терпѣньемъ жди! ты умножаешь зло
И дѣло фурій на себя берешь.
Дай мнѣ обдумать, самъ спокоенъ будь!
Я послѣ призову тебя на дѣло:
Соединивши силы, мы приступимъ
Съ разумною отвагой къ исполненью.

Орестъ.

То самаго Улисса рѣчь.

Пиладъ.

Не смѣйся,
Себѣ героя каждый долженъ выбрать,
Которому во слѣдъ тропу къ Олимпу
Пробьетъ онъ. Я готовъ сознаться: хитрость

Имѣть съ умомъ не стыдно вовсе мужу,
Идущему на смѣлый подвигъ.

Орестъ.

Я-же

Цѣню того, кто смѣлъ и вмѣстѣ прямъ.

Пиладъ.

Вотъ отъ того и не просилъ совѣта
Я у тебя. Ужъ сдѣланъ первый шагъ.
Подобная богинѣ, чужеземка
Сковать успѣла здѣсь законъ кровавый.
Молитву, сердце чистое богамъ
И мирры дымъ она приноситъ; славятъ
Всѣ доброту ея; она, какъ слышно,
Изъ роду Амазонокъ и бѣжала,
Спасаясь отъ великаго несчастья *).

Орестъ.

Мнѣ кажется, сіянье кроткой власти
Ея померкло съ близостью злодѣя,
Котораго, подобно темной ночи,
Проклятіе объемлетъ отовсюду.
Обычай древній на погибель намъ
Раскованъ вновь и кровь нужна богамъ.
Намъ смерть готовитъ царь въ порывѣ дикомъ,

---

*) Это представленіе объ Ифигеніи жители Тавриды могли составить по причинѣ ея суровой дѣвственности. Амазонки, какъ извѣстно, жили, если вѣрить преданію, на Кавказѣ и покорили себѣ Крымъ, Иберію и другія сосѣднія страны.

И женщина не въ силахъ насъ спасти.

Пиладъ.

То счастье намъ, что женщина! Мужчина,
И лучшій даже, скоро пріобыкнетъ
Къ жестокости, и подъ конецъ закономъ
Себѣ онъ ставитъ то, чего гнушался;
Привычка дѣлаетъ его суровымъ.
Но женщины, ужъ принятая разъ,
Наклонность неизмѣнна; на нее
Разсчитывать вѣрнѣе и въ худомъ
И въ добромъ дѣлѣ. Тише! вотъ идетъ...
Оставь однихъ насъ. Не открою тотчасъ,
Какъ насъ зовутъ, нельзя довѣрить прямо
Судьбу ей нашу. Ты теперь уйди...
Все разузнавъ, скажу тебѣ, что̀ дѣлать.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ифигенія. Пиладъ.

Ифигенія.

Откуда, чужеземецъ? ты, какъ мнится,
Похожъ на грека больше, чѣмъ на скиѳа.

(*Снимаетъ съ него цѣпь.*)

Опасна мною данная свобода;
Пусть боги отклонятъ, что вамъ грозитъ.

Пиладъ.

О сладкій голосъ! О привѣтный звукъ

Роднаго языка въ землѣ чужой!
Съ живой отрадой, узникъ, предъ очами
Я вижу снова горы голубыя
Отеческой земли... пусть радость эта
Тебя увѣритъ, что я также грекъ.
Я на минуту позабылъ, какъ много
Въ тебѣ нуждаюсь, и душа была
Объята вся видѣніемъ чудеснымъ.
Скажи, скажи,—коль не смыкаетъ рокъ
Твои уста,—къ которому изъ нашихъ
Племенъ, богиня, ты принадлежишь?

Ифигенія.

Съ тобою жрица говоритъ: Діана
Сама, меня избравши, посвятила;
Доволенъ этимъ будь; скажи мнѣ, кто-ты?
Какой судьбы губительною властью
Ты приведенъ со спутникомъ сюда?

Пиладъ.

Не трудно разсказать тебѣ, какое
Преслѣдуетъ насъ тягостное горе.
О еслибъ ты, божественная, также
Легко дала намъ сладкій лучъ надежды!
Изъ Крита, сыновья Адраста, мы:
Я младшій, Кефалъ именемъ, а онъ
Старѣйшій въ домѣ, Лаодамъ. Межъ нами
Росъ средній братъ нашъ, дикій и свирѣпый.
Ужъ въ играхъ первой юности помѣхой
Согласью и веселью былъ онъ. Все
Мы, повинуясь матери, сносили,
Пока сражался насъ отецъ подъ Троей;

Когда-жъ вернулся онъ съ добычей многой
И послѣ вскорѣ умеръ, то вражда
О царствѣ и наслѣдствѣ снова братьевъ
Разъединила; къ старшему присталъ я,
Убилъ онъ брата. За кровавый грѣхъ
Его и гонитъ фурія повсюду.
На этотъ дикій берегъ Аполлонъ
Дельфійскій насъ послалъ и далъ надежду:
У алтаря сестры его насъ ждетъ
Спасительная помощи рука.
Мы пойманы, сюда приведены
И отданы тебѣ... зачѣмъ? ты знаешь.

Ифигенія.

И Троя пала? Другъ! могу-ли вѣрить?

Пиладъ.

Такъ точно. Ты увѣрь въ спасеньи насъ.
Даруй обѣщанную Зевсомъ помощь;
Надъ братомъ сжалься. Отъ тебя услышитъ
Пусть доброе и радостное слово;
Щади его, съ нимъ говоря: объ этомъ
Одномъ прошу; легко его душа
Воспоминаньемъ, радостью и горемъ
Объята и растерзана бываетъ.
Впадаетъ вдругъ въ горячку онъ безумства,
И преданъ фуріямъ свободный духъ.

Ифигенія.

Твое велико горе, но молю:
Забудь его, пока мнѣ все не скажешь.

Пиладъ.

Высокій градъ, что цѣлыхъ десять лѣтъ
Боролся съ войскомъ греческимъ, лежитъ
Въ развалинахъ и больше ужъ не встанетъ.
Но лучшихъ нашихъ воиновъ могилы
Еще чужой напоминаютъ берегъ.
Тамъ палъ Ахиллъ съ своимъ прекраснымъ другомъ.

Ифигенія.

И вы, боговъ подобіе, во прахѣ!

Пиладъ.

Аяксъ, сынъ Теламона, Паламедъ
Уже не зрѣли также дня возврата.

Ифигенія.

(Онъ объ отцѣ ни слова.... межъ убитыхъ
Его не называетъ.... Да! онъ живъ!
Его увижу..... О, надѣйся, сердце)!

Пиладъ.

Но тысячи, отъ рукъ врага погибшихъ
Счастливы смертью горестной, но славной,
Затѣмъ-что возвратившимся въ отчизну
Враждебный богъ готовилъ не тріумфъ,
А дикій ужасъ и конецъ кровавой....
Къ вамъ развѣ не дошла молва людская?
Вездѣ она, куда проникнуть можетъ,
О сихъ дѣлахъ неслыханныхъ гласитъ.
Такъ горе, что Микенъ чертоги воплемъ

И стонами наполнило не разъ,
Тебѣ осталось тайной? Клитемнестра,
Соединясь съ Эгистомъ, обманула
Супруга и убила въ день возврата.
Да, этотъ царскій домъ сама ты чтила!
Я вижу, грудь взволнована твоя
При вѣсти неожиданной, ужасной.
Его ты друга дочь? иль, можетъ, близко
Родилась въ томъ-же городѣ? Не скрой
И не вмѣни въ вину, что первый я
Злодѣйство это возвѣстилъ.

Ифигенія.

Скажи,
Какъ дѣло это тяжкое свершилось?

Пиладъ.

Въ день своего прибытья, какъ изъ ванны
Царь, освѣженный, всталъ, и взять одежды
Спокойно руку протянулъ къ супругѣ,
Коварная накинула ему
На голову и плечи ткань, искусно
Въ безчисленныхъ віющуюся складкахъ,
Опутывая тѣло; тщетно онъ
Изъ этой сѣти вырваться пытался;
Эгистъ, предатель, умертвилъ его:
Такъ и сошелъ къ тѣнямъ великій вождь.

Ифигенія.

Что-жъ было соучастнику наградой?

Пиладъ.

Престолъ и ложе, коимъ ужъ владѣлъ.

Ифигенія.

Такъ поводомъ къ постыдному злодѣйству
Была лишь страсть преступная?

Пиладъ.

И также
Глубоко старинной мести чувство.

Ифигенія.

Но чѣмъ-же царь такъ оскорбилъ ее?

Пиладъ.

Поступкомъ тяжкимъ: оправдать ее
Могло-бы это, еслибъ оправданье
Убійству было. Онъ ее призвалъ
Со старшей дочерью въ Авлидъ, когда
Противными вѣтрами божество
Отплытію препятствовало грековъ;
И дочь тамъ, Ифигенія, была
Принесена предъ алтаремъ Діаны
Кровавой жертвой для спасенья грековъ.
И это, говорятъ, такую злобу
Вселило въ сѐрдце ей, что предалась
Она Эгисту и сама супруга
Опутала губительною сѣтью.

Ифигенія (*удаляясь*).

Довольно. Я еще тебя увижу.

Пиладъ (*одинъ*).

Она казалась тронута глубоко
Судьбою дома царскаго. Она,
Кто-бъ ни была, царя навѣрно знала,
И намъ на счастье продана сюда
Изъ дома знатнаго... О тише, сердце!
Теперь къ звѣздѣ надежды, намъ блеснувшей,
Направимъ путь мы бодро и разумно *).

АКТЪ III.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ифигенія. Орестъ.

Ифигенія.

Несчастный! въ знакъ еще печальный болѣ
Судьбы, твои оковы разрѣшаю.

*) Второе явленіе этого акта наконецъ снова выставляетъ Ифигенію въ борьбѣ за родственное чувство; но до самаго четвертаго акта эта борьба заключаетсся въ страданіяхъ героини, узнающей о бѣдствіяхъ своего дома. Теперь слышитъ она только о смерти отца; тяжелая скорбь сжала ей сердце, но она имѣетъ еще твердость спросить: какъ погибъ онъ? Послѣ разсказа Пилада, она быстро удаляется, чтобы скрыть сильную душевную тревогу. Гёте съ намѣреніемъ оставилъ разспросы о дальнѣйшихъ событіяхъ для слѣдующаго акта, гдѣ вновь является на сцену Орестъ: объ убійствѣ Клитемнестры разсказываетъ самъ совершитель грознаго дѣла, и такимъ-образомъ самъ пробуждаетъ въ себѣ всѣ тяжкія угрызенія совѣсти, доводящія его до безумія. Тогда Ифигенія исполняетъ свою высокую роль посредницы между имъ и богами. Сцена, гдѣ жрица распрашиваетъ о своемъ домѣ, отличается необыкновенной драматической живостью у Еврипида; у Гёте этого не допускаетъ характеръ Ифигеніи, сильно сосредоточенной въ своихъ чувствахъ.

Свобода, что святилище даруетъ,—
Какъ взоръ послѣдній, свѣтлый жизни взоръ
У тяжело больнаго, — вѣстникъ смерти.
Еще сказать я не могу, не смѣю
Сама себѣ, что вы погибли! какъ мнѣ
Рукой убійцы васъ отдать на смерть?
Никто изъ смертныхъ вашей головы,
Пока Діаны жрицей я, не смѣетъ
Коснуться. Но исполнить откажусь,
Что на меня возложено царемъ,
То выберетъ въ замѣнъ меня другую
Изъ дѣвъ прислужницъ, и тогда горячимъ
Желаньемъ только вамъ могу помочь.
Единоземецъ милый! на чужбинѣ
Намъ дорогъ и послѣдній рабъ, служившій
У очага боговъ домашнихъ. Какъ мнѣ
Васъ не принять съ восторгомъ и любовью:
Вы образъ мнѣ напомнили героевъ,
Которыхъ чтить родители еще
Меня учили; въ глубинѣ мнѣ сердце
Вы обласкали новою надеждой.

Орестъ.

Съ благоразумной цѣлью ты скрываешь
Твой родъ и имя? или знать мнѣ можно,
Кто, какъ богиня, здѣсь меня встрѣчаетъ?

Ифигенія.

Ты долженъ знать, кто я. Теперь скажи мнѣ,
Что въ половину слышала отъ брата
Я твоего, о тѣхъ концѣ, которыхъ

Ужъ на порогѣ дому при возвратномъ
Пути изъ Трои встрѣтила сурово
Нежданная, жестокая судьба.
Приведена я очень молодой
На этотъ берегъ; но еще я помню,
Какимъ стыдливымъ и несмѣлымъ взоромъ,
Дивясь, взирала я на тѣхъ героевъ.
При выступленьи ихъ въ походъ, казалось,
Олимпъ раскрылъ врата свои и выслалъ
На ужасъ Иліону древнихъ дней
Блистательные образы, и всѣхъ
Прекраснѣй Агамменонъ былъ! Скажи:
Онъ палъ, вступая въ домъ свой, черезъ козни
Своей супруги и Эгиста?

Орестъ.

Такъ.

Ифигенія.

О горе вамъ, несчастные Микены!
То внуки Тантала рукой щедрой
Посѣяли проклятье на проклятьи.
Какъ дикую траву, что средь пустыни,
Свои головки отряхая, сѣетъ
Вокругъ различныхъ тысячи семенъ,
Они вскормили родственныхъ убійцъ
Дѣтямъ дѣтей для вѣчной и взаимной
Ихъ ярости *). Открой, что въ рѣчи брата

---

*) Въ приведенномъ здѣсь сравненіи мы видимъ прекрасный примѣръ пластики въ рѣчи Гёте: и изученіе естественной исторіи давало ему порою матеріалъ для поэтическихъ образовъ. Но важно здѣсь то, что древнеклассическое образованіе не останавливало его

Мракъ ужаса вдругъ предо мной сокрылъ:
Какъ пережилъ кровавый этотъ день
Послѣднiй сынъ отъ славнаго колѣна,
Прекрасное дитя, Орестъ, кому
Назначено быть мстителемъ отца?
Подобная-ли участь обвила
Его въ сѣтяхъ Аверна *)? Что? спасенъ онъ?
Онъ живъ? жива еще Электра?

Орестъ.

Живы.

Ифигенiя.

О, золотое солнце, дай мнѣ лучшiй
Твой лучь, его сложу я благодарно
Къ престолу Зевса! такъ бѣдна, нѣма я.

Орестъ.

Когда ты въ дружбѣ съ этимъ царскимъ домомъ,
Иль въ узахъ болѣй близкихъ — какъ твоя
Прекрасная свидѣтельствуетъ радость—
То сердце усмири, скрѣпи его!
Для радостныхъ возвратъ нежданный къ горю
Невыносимъ. Ты,вижу, только знаешь
О смерти Агамемнона.

на однихъ ученыхъ комментарiяхъ къ Гомеру, Цицерону и т. д., а самымъ естественнымъ путемъ привело его къ убѣжденiю, что все искусство грековъ состояло въ точномъ познанiи природы.

*) Аверномъ собственно называлось болото или озеро въ Кампанiи, извѣстное своими ядовитыми испаренiями. По преданiю древнихъ, здѣсь былъ спускъ въ подземное царство Плутона. Ифигенiя хочетъ здѣсь спросить: не погибъ ли и Орестъ черезъ коварство Клитемнестры?

Ифигенія.

Что-жъ? развѣ
Мнѣ этого извѣстья не довольно?

Орестъ.

Лишь половину ужасовъ ты знаешь.

Ифигенія.

Чего-жь бояться мнѣ еще? Орестъ,
Электра живы....

Орестъ.

А за Клитемнестру
Ты не боишься?

Ифигенія.

Не спасетъ ее
Ни страхъ ужъ, ни надежда.

Орестъ.

Такъ, она
Свое прости сказала ужъ надеждѣ.

Ифигенія.

Не пролила-ли кровь свою сама
Въ терзаніи раскаянья она?

Орестъ.

Нѣтъ, но ея-же кровь ей смерть дала *).

---

*) Игра словъ и неясность выраженій, заключающіяся въ этомъ разговорѣ, составляютъ вѣрное подражаніе подобнымъ-же сценамъ въ греческихъ драмахъ. Припомнимъ хотя слѣдующее мѣсто изъ „Антигоны" Софокла.

Ифигенія.

Скажи понятнѣй, я теряюсь въ мысляхъ.
Крыломъ тяжелымъ, чернымъ неизвѣстность
Вкругъ робкаго чела трепещетъ, бьется.

Орестъ.

То боги вѣстникомъ меня избрали
Такого дѣла, что его охотно
Сокрылъ-бы въ царствѣ мрачномъ и глухомъ
Безгласнаго Аида. Противъ воли
Даю отвѣтъ на дружеское слово
Печальнаго желала и получишь.
Въ тотъ день, какъ цалъ отецъ, Электра брата,
Укрывъ, спасла, а Строфій, тесть отца,
Его охотно принялъ; вмѣстѣ съ сыномъ

Хоръ.

Какое-же горе царское пришелъ ты
Намъ извѣстить.

Вѣстникъ.

Ихъ гибель; смерти ихъ
Виновники живые.

Хоръ.

Кто-жъ убилъ
И кто убитъ, скажи?

Вѣстникъ.

Погибъ Гемонъ.
Своей рукою окровавленъ...

Хоръ.

Какъ?
Своею иль отцовскою рукою?

Вѣстникъ.

Убилъ себя онъ въ гнѣвѣ на отца.

Своимъ, Пиладомъ, воспиталъ его.
Два юноши въ тѣснѣйшихъ узахъ дружбы
Соединились скоро, и межъ-тѣмъ,
Какъ возрастали, возрастало въ нихъ
Горячее желанье отомстить
За смерть царя. Не узнаны, одѣты,
Какъ чужеземцы, прибыли они
Въ Микены, будто съ вѣстью о кончинѣ
Ореста и съ его могильной урной.
Царица приняла ихъ дружелюбно,
И въ домъ вошли они. Орестъ открылся
Электрѣ: эта пламя мести въ немъ,
Ужъ тухнуть начинавшее при видѣ
Священномъ матери, сильнѣй раздула.
Она тихонько привела его
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ ихъ палъ, гдѣ легкій,
Старинный слѣдъ пролитой дерзко крови
Уликой, на полу не разъ омытомъ,
Еще виднѣлся въ блѣдныхъ полосахъ.
Обрисовала огненною рѣчью
Она тутъ всѣ подробности злодѣйства,
Свою рабыни горестную жизнь,
Предателя счастливаго надмѣнность,
Опасность ту, какая имъ обоимъ
Отъ безпощадной матери грозила.
Тутъ древній мечъ она ему вручила,
Который во домѣ Тантала давно ужъ
Свирѣпствовалъ, и пала Клитемнестра,
Сыновнею рукой умерщвлена.

Ифигенія.

Безсмертные, на легкихъ облакахъ

Вкушающіе сладость легкой жизни!
За тѣмъ-ли столько лѣтъ вдали отъ свѣта
Меня скрывали вы, къ себѣ такъ чудно
Приблизили, невинный поручили
Мнѣ трудъ хранить огня святаго пламя,
Какъ пламя, чисто дѣвственную душу
Восхитили до вашего Олимпа,
Затѣмъ-ли только, чтобъ потомъ живѣе
Мнѣ чувствовать домашнихъ бѣдствій ужасъ?
Скажи мнѣ о злосчастномъ! объ Орестѣ
Скажи мнѣ!

Орестъ.

О когда-бы могъ о смерти
Его сказать я! Грозный мститель духъ
Возникъ изъ крови матери убитой,
Воззвалъ онъ къ древнимъ Ночи дочерямъ:
„Да не спасется матери убійца;
Преслѣдуйте злодѣя, вамъ онъ жертвой!"
Услышали и впалыя ихъ очи
Вокругъ взглянули съ алчностью орла,
Подвигнулись въ своихъ пещерахъ темныхъ
И тихо за собой влекутъ сопутницъ—
Сомнѣнье и Раскаянье. Отъ нихъ
Тяжелымъ смрадомъ Ахерона вѣетъ.
Воспоминанья призракъ неотступный
Надъ головой преступнаго темнѣетъ,
Какъ облаковъ густѣющихъ клубы;
И фуріи, губить имѣя право,
Вступаютъ въ край, взлелѣянный богами,
На землю плодотворную, откуда
Изгнало ихъ старинное проклятье.

Бѣгущаго преслѣдуютъ онѣ
Стопою быстрой; на мгновенье роздыхъ
Даютъ, чтобъ съ новой силою страшить.

Ифигенія.

Несчастный, вижу: участью вы сходны;
Ты терпишь тоже, что бѣглецъ тотъ бѣдный.

Орестъ.

Что говоришь ты? чья здѣсь участь сходна?

Ифигенія.

Тебя убійство брата тяготитъ,
Какъ и его; ужъ все мнѣ разсказалъ
Твой младшій братъ *).

Орестъ.

Прекрасная душа!
Я не стерплю передъ тобой неправды.
Хитрить обыкшій, ловкій чужеземецъ
Ткань лжи искусной чужеземцамъ сплелъ
На первый случай; но межъ нами правда

---

*) Ифигенія указываетъ здѣсь на исторію, придуманную во-второмъ актѣ Пиладомъ. Зачѣмъ Пиладъ не открываетъ прямо о происхожденіи своемъ и Ореста? Этому могла быть таже причина, которую выставляетъ Ифигенія, разсказывая о себѣ Тоасу,

„Когда-бъ ты только зналъ,
„Кто предъ тобою, подъ какимъ *проклятьемъ*
«Тобой такъ нѣжно призрѣнная дѣва», и проч.

Проклятье, тяготѣвшее надъ Орестомъ, было еще ужаснѣе, и Пиладъ на первый случай сплелъ свою исторію о сыновьяхъ Адраста. Но правдивость Ореста гнушается обманомъ: онъ въ этомъ одинаковыхъ чувствъ со своею сестрою.

Пусть будетъ! Я Орестъ! моя, моя
Преступная глава въ могилу смотритъ
И ищетъ смерти: смерть во всякомъ видѣ
Мнѣ даръ желанный. Кто-бъ ты ни была,
Тебѣ и другу моему спасенья
Желаю, мнѣ его не нужно вовсе.
Ты не охотно остаешься здѣсь,
Какъ мнится мнѣ; найдите средства къ бѣгству,
Меня-же здѣсь оставьте. Пусть низвергнутъ
Мой трупъ бездушный будетъ со скалы,
Пускай до моря кровь моя дымится
И на берегъ чужой несетъ проклятье!
Идите, тамъ въ странѣ прекрасной грековъ
Жизнь новую съ любовію начнете.

(*Удаляется*) *)

Ифигенія.

Такъ вотъ нисходишь наконецъ ко мнѣ,
О ты, дитя прекрасное Зевеса,
Богиня Исполненья! Какъ громаденъ
Твой образъ, предо мной теперь стоящій!
Едва достигнетъ взоръ твоей руки,

*) Признаніе Ореста, конечно, должно было произвести въ немъ состояніе души, совершенно противоположное съ тѣмъ, которое произведетъ въ Ифигеніи. Тогда-какъ она не чувствуетъ ничего, кромѣ безмѣрной радости при свиданіи съ братомъ, о которомъ столько лѣтъ мечтала, и въ этомъ добромъ чувствѣ вдругъ забываетъ всѣ скорби, — Орестъ полонъ только мыслями о своемъ преступленіи. Въ неистовствѣ отчаянія онъ не хочетъ признать сестры и, когда признаетъ, то для новыхъ терзаній. Сестра должна погубить его! Въ припадкѣ самозабвенія онъ уже видитъ себя въ Аидѣ, среди тѣней отца и матери; но тутъ таинственно сходитъ на него душевный миръ чрезъ прикосновеніе къ непорочной жрицѣ.

Плоды и свѣтлой радости вѣнки,
Сокровища Олимпа, приносящей.
Какъ узнаемъ въ избыткѣ всѣхъ даровъ
Царя, который малостью считаетъ,
Что тысячѣ другихъ богатствомъ служитъ:
Такъ, боги, видны вы въ дарахъ, что мудро
И долго намъ готовя, сберегали.
Вы знаете одни, что намъ полезно,
И въ области грядущаго безмѣрной,
Гдѣ звѣзды ночи и покровъ тумана
Намъ зримы только, все для васъ понятно.
Когда мы просимъ скораго свершенья,
Мольбѣ вы нашей дѣтской равнодушно
Внимаете; но никогда незрѣлы
Не принесетъ плоды златые неба
Рука намъ ваша; и бѣда тому,
Кто, наслажденья жадный, ихъ до срока
Срываетъ: самъ онъ смертную отраву
Себѣ готовитъ. О пускай-же счастье
Внезапное, но жданное такъ долго,
Не минетъ для меня теперь напрасно
Съ тройною мукой, какъ пустая тѣнь
Навѣки насъ покинувшаго друга.

Орестъ (*снова подходитъ къ ней*).

Не называй меня въ молитвѣ, если
Ты за себя и за Пилада молишь.
Ты не спасешь злодѣя: съ нимъ въ союзѣ
Раздѣлишь только горе и проклятье.

Ифигенія.

Твоя судьба съ моею въ тѣсной связи.

Орестъ.

Нѣтъ, нѣтъ! одинъ, безъ спутниковъ пускай
Сойду къ тѣнямъ. Сама своимъ покровомъ
Преступнаго ты осѣнишь, не скроешь
Отъ взора тѣхъ, что бодрствуютъ всегда.
Небесная! присутствіе твое
Ихъ устранитъ на мигъ, но не отгонитъ.
Подъ сѣнь священной рощи не дерзаютъ
Онѣ вступить своей стопой желѣзной;
Но издали я слышу здѣсь и тамъ
Ихъ смѣхъ противный. Волки воютъ такъ
Вкругъ дерева, на коемъ путникъ спасся.
Тамъ ждутъ онѣ, свой станъ расположивъ.
Чуть я покину рощу, всѣ возстанутъ,
Змѣиными главами потрясая,
Взрывая отовсюду прахъ, и будутъ
Свою добычу гнать передъ собой.

Ифигенія.

Орестъ, послушай дружескаго слова!

Орестъ.

Оставь его тому, кто другъ боговъ.

Ифигенія.

Отъ нихъ тебѣ надежды новой свѣтъ.

Орестъ.

Сквозь мракъ и муки вижу я мерцанье
Рѣки тѣней, свѣтящей мнѣ въ Аидѣ.

Ифигенія.

Одна-ль сестра, Электра, у тебя?

Орестъ.

Одну я зналъ; но старшей участь все-же
Была счастливѣй, хоть такою страшной
Казалась намъ: всѣхъ ранѣе ее
Злосчастье дому нашего постигло.
Оставь свои вопросы и сама
Не будь въ числѣ Эриній; рады мнѣ
Вредить, онѣ съ души сдуваютъ пепелъ,
Чтобъ страшнаго пожарища остаткамъ,
Объявшаго намъ домъ, во мнѣ спокойно
Не дать дотлѣть. Уже-ли будетъ вѣчно
Нещадно душу жечь, терзая, это,
Умышленно возженное во мнѣ,
Питаемое адской сѣрой, пламя?

Ифигенія.

Не дамъ ему пылать въ тебѣ: пускай
Любви дыханье чистое прохладой
На жаръ души твоей тихонько вѣетъ.
Орестъ, мой дорогой, уже-ль не видишь?
Уже-ль богинь сопутствіе ужасныхъ
Всю въ жилахъ изсушило кровь тебѣ?
Иль голова Горгоны тайной силой
Всѣ члены вдругъ въ тебѣ окаменила?
О если мать, которой пролилъ кровь,
Зоветъ тебя въ Аидъ глухимъ стенаньемъ,
Уже-ль сестры невинной голосъ нѣжный
Не призоветъ боговъ къ тебѣ на помощь?

Орестъ.

Зоветъ! О, да! ты хочешь, чтобъ погибъ я?
Сокрыта и въ тебѣ богиня мщенья?
Скажи, кто ты, чей голосъ такъ ужасно
Всю глубину души моей потрясъ?

Ифигенія.

Да, то тебѣ уже сказало сердце.
Орестъ, я Ифигенія! смотри:
Жива я...

Орестъ.

Ты!

Ифигенія.

Мой братъ!

Орестъ.

О, прочь отсюда....
Моихъ кудрей совѣтую не трогать.
Огонь неугасимый отъ меня,
Какъ отъ Креузы свадебнаго платья,
Все сожигаетъ... Прочь! пусть недостойный
Умру постыдной смертью Геркулеса *).

---

*) Креуза была супруга Язона, который женился на ней, отвергши Медею. Эта изъ ревности послала къ ней въ подарокъ платье, которое сожгло ее. Смерть Геркулеса извѣстна: онъ погибъ также отъ подарка Деяниры, который состоялъ въ туникѣ, пропитанной ядовитою кровью кентавра Несса. Оба миѳологическія сравненія очень удачно выражаютъ душевную пытку. Далѣе Орестъ, не понимая пламеннаго порыва Ифигеніи, спрашиваетъ: Не жрица-ли она Бахуса, полная вдохновеннаго имъ неистовства?

Ифигенія.

Ты не погибнешь! О, когда-бъ хоть слово
Спокойно мнѣ сказалъ ты! Разрѣши
Мои сомнѣнья; пусть увѣрюсь въ счастьи,
Котораго такъ долго я молила.
Во мнѣ крутится колесомъ чрезъ душу
Тоска и радость; удаляетъ страхъ
Меня отъ чужеземца! но съ какимъ
Влеченьемъ страстнымъ рвется сердце къ брату!

Орестъ.

Ліэя храмъ здѣсь? Не святая-ль ярость
Неукротимо жрицей овладѣла?

Ифигенія.

О выслушай! взгляни, какъ послѣ долгой,
Нѣмой тоски душа во мнѣ раскрылась
Для самаго прекраснаго блаженства,
Какое свѣтъ мнѣ можетъ дать: твою
Поцаловать главу, принять въ объятья,
Къ пустымъ вѣтрамъ простертыя донынѣ!
Дозволь! дозволь! Свѣтлѣе не струится
Парнасса вѣчный ключь, сбѣгая шумно
На камень съ камня къ золотой долинѣ,
Какъ бурною волною льется радость
Отъ сердца моего, кругомъ объемля,
Подобно морю, всю меня восторгомъ.
Орестъ! Орестъ, мой братъ!

Орестъ.

О прелесть-нимфа!
Тебѣ и ласкамъ я твоимъ не вѣрю.

Діана строгихъ требуетъ прислужницъ
И мститъ за поруганіе святыни.
Подальше руку отъ моей груди!
Когда, спасая, юношу ты хочешь
Любви прекраснымъ счастьемъ одарить,
То сердце къ другу моему склони;
Онъ больше стоитъ этого. Поди,
На той скалѣ вонъ ты его найдешь;
Меня оставь, ему воздай что должно.

Ифигенія.

Опомнись, братъ! найденную тобой
Сестру узнай. Ея святую радость,
Чистѣйшую, уже-ли назовешь
Ты безразсудной и преступной страстью?
О пусть спадетъ съ очей оцепенѣлыхъ
Его обманъ, чтобъ лучшій мигъ восторга
Не сдѣлалъ онъ для насъ втройнѣ печальнымъ!
Здѣсь, предъ тобой, пропавшая давно
Сестра твоя! Отъ алтаря меня
Богиня увлекла и, спасши, здѣсь
Дала въ своемъ святилищѣ пріютъ.
Ты пойманъ, жертвой приведенъ во храмъ,
И вотъ свою сестру находишь въ жрицѣ.

Орестъ.

Несчастная! то пусть увидитъ солнце
Послѣдній дому нашего позоръ!
Электры нѣтъ-ли здѣсь? и ей-бы съ нами
Погибнуть, чтобъ не длить напрасно жизни
Для болѣ тяжкой участи и мукъ.

Готовъ я, жрица! къ алтарю пойдемъ:
Братоубійства вѣдь не новъ обычай
Въ колѣнѣ нашемъ; благодаренъ много
Вамъ, боги, что бездѣтнаго меня
Искоренить назначили. Совѣтъ мой:
Ни звѣздами, ни солнцемъ не плѣняйся,
Ступай за мной въ глухое царство тьмы!
Какъ отъ чаровъ возникшіе драконы
Другъ друга истребляютъ, губитъ такъ
Само себя неистовое племя;
Бездѣтна и невинна мнѣ послѣдуй!
Ты съ состраданьемъ смотришь на меня?
Напрасно! такъ глядѣла Клитемнестра,
Какъ сына въ сердце думала пронзить...
Но ей-же въ грудь ударилъ мечъ ошибкой,
И пала матерь! Злобный духъ, явись!
Вы, фуріи, сходитесь въ тѣсный кругъ,
Присутствуйте при зрѣлицѣ отрадномъ,
Послѣднемъ и позорнѣйшемъ изъ всѣхъ.
Не злоба и не мщенье мечъ острятъ;
Нѣтъ! милая сестра исполнить это
Принуждена. Не плачь! ты не виновна.
Тебя, сестра, любить-бы могъ, какъ врядъ-ли
Всю жизнь мою кого-нибудь любилъ.
Да, не щади, вонзай свое желѣзо,
На части рви мнѣ грудь, свободный путь
Дай тѣмъ струямъ, что здѣсь во мнѣ кипятъ!

(*Падаетъ въ безпамятствѣ*).

Ифигенія

Но это мнѣ и счастье и мученье

Невыносимы. Гдѣ-же ты, Пиладъ?
Гдѣ, дорогой, твою найду я помощь?
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Орестъ (*приходитъ въ себя и встаетъ*).

Еще одинъ! Еще изъ токовъ Леты
Послѣдній, освѣжительный мнѣ кубокъ!
И судорожный трепетъ жизни скоро
Въ груди затихнетъ и спокойно духъ мой
Струямъ забвенья преданъ, потечетъ
Къ вамъ, тѣни, въ вѣчную обитель мрака.
Пусть сынъ земли, отшедшій въ землю, сладко
Средь васъ уснетъ на лонѣ тишины!
Но что за шорохъ слышу я въ вѣтвяхъ?
Тамъ въ сумракѣ какой-то легкій шумъ....
Идутъ ужъ встрѣтить новаго пришельца!
Какой чудесный сонмъ! Не домъ-ли царскій
На пиршество блистательное собранъ?
Стеклися мужи, жены, старъ и младъ
Семьею мирной; видомъ лики ихъ
Богоподобны и другъ съ другомъ сходны.
Да, то они, мои родные предки...
Идетъ Атрей съ Ѳіестомъ дружелюбно;
Цѣпляются вкругъ нихъ, играя, дѣти.
Такъ между вами здѣсь ужъ нѣтъ вражды?
Погасла ваша месть съ сіяньемъ солнца?
Примите-жъ и меня, найду и я
Въ торжественномъ собраньи вашемъ мѣсто.
Здорово, дѣды! Вамъ поклонъ приноситъ

Орестъ, послѣдній въ родѣ вашемъ мужъ.
Онъ жатву снялъ посѣяннаго вами,
Подъ бременемъ проклятья къ вамъ низпалъ онъ.
Но видно легче всякая здѣсь ноша:
Въ вашъ кругъ, въ вашъ кругъ его скорѣй возьмите!
Чту я тебя, Атрей, чту и тебя,
Ѳіестъ; мы всѣ здѣсь ненависти чужды!
Отца мнѣ покажите, въ жизни разъ лишь
Его я видѣлъ! Ты-ли то, отецъ мой?
И мать съ собой ты дружески ведешь?
Тебѣ дать руку смѣетъ Клитемнестра!
То и Орестъ къ ней можетъ приступить,
Сказать ей можетъ: вотъ твой сынъ, смотри!
Взгляните, вотъ вашъ сынъ! скажите: здравствуй!
Былъ на землѣ свой лозунгъ въ нашемъ домѣ
Привѣтствіе убійства, и лишь здѣсь,
Въ подземной мглѣ, родъ древняго Тантала
Свои находитъ радости впервые.
Вашъ слышу зовъ! вы приняли меня!
О, къ древнему прапрадѣду ведите!
Гдѣ старецъ? Пусть увижу я его,
Въ совѣтѣ предсѣдавшаго съ богами,
Безцѣнную, столь чтимую главу!
Вы медлите, вы отвратили взоръ?
Что-жъ это? страждетъ мужъ богоподобный?
О горе, горе! тѣ, что насъ могучѣй,
Къ груди геройской тягостныя муки
Желѣзной цѣпью крѣпко приковали *).

*) Здѣсь Орестъ упоминаетъ о Танталѣ. Этотъ монологъ, какъ и все сцена съ Ифигеніей, служитъ образцомъ искусства Гёте въ развитіи душевныхъ движеній; но, по глубинѣ своей идеи, которая состоитъ въ томъ, чтобы наглядно представить великій переворотъ,

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Орестъ, Ифигенія, Пиладъ.

И вы здѣсь тоже? Ты, сестра,
Счастлива! Нѣтъ одной Электры:
Пусть и ее къ намъ добрый богъ
Сведетъ скорѣй стрѣлою тихой.
Тебя, мой бѣдный другъ, мнѣ жаль!
За мной! за мной! принесть Плутону,
Какъ гости новые, поклонъ.

Ифигенія.

Братъ и сестра, вы, что съ небесъ далекихъ
Прекрасный свѣтъ на землю проливая
Порою дня и ночи, лишь усопшимъ
Не можете сіять, спасите насъ!
Діана, твой прекрасный братъ тебѣ
Всего, что могутъ дать земля и небо,
Дороже; къ свѣту вѣчному его
Съ любовью тихой дѣвственный свой ликъ
Ты обращаешь вѣчно... Не дозволь-же,
Чтобъ погибалъ, объятъ безумства тьмой,
Мой братъ единый, поздно такъ найденный!
И если тѣмъ, что здѣсь меня скрывала,
Твоя свершилась воля, и желаешь
Мнѣ чрезъ него, ему черезъ меня

таинственно совершающійся въ душѣ человѣка, онъ не произвелъ-бы особеннаго дѣйствія при представленіи на театрѣ; видимое Орестомъ, какъ въ сновидѣніи, нужно-бы тогда вывести на сцену, а это противорѣчитъ общему содержанію драмы, гдѣ не является ни фурій, ни призраковъ.

Святую помощь даровать, то пусть
Съ него спадутъ того проклятыя цѣпи,
Чтобъ не пропало намъ къ спасенью время.

Пиладъ.

Узналъ-ли насъ ты и святую рощу,
И этотъ свѣтъ, сіяющій не мертвымъ?
Не чувствуешь? Рука сестры и друга
Тебя еще живаго крѣпко держитъ.
Насъ осязай, мы не пустыя тѣни.
Не слышишь развѣ словъ моихъ? Пойми-же,
Опамятуйся! каждый мигъ намъ дорогъ,
И нашъ возвратъ виситъ на тонкихъ нитяхъ,
Но, мнится, Парка добрая пряла ихъ.

Орестъ (*Ифигеніи*).

О пусть свободнымъ сердцемъ въ первый разъ,
Въ твоихъ рукахъ вкушу святую радость!
Вы, боги, что по пламеннымъ браздамъ
Тяжелыхъ тучъ грядете въ бранной силѣ
И милостиво-грозны дождь желанный
Со свистомъ бури, съ рокотомъ громовымъ
На землю токомъ яростнымъ ліете!
Но ожиданья трепетъ въ человѣкѣ
Вдругъ разрѣшится счастьемъ; взоръ веселый
И благодарный кликъ замѣнятъ ужасъ,
Какъ въ капляхъ листьевъ оживленныхъ солнце
Заискрится свѣжо, разнообразно,
И легкою рукой цвѣтистый поясъ
Накинетъ свой привѣтливо Ирида
На сѣромъ лонѣ облаковъ послѣднихъ,—
О боги! пусть въ рукахъ моей сестры,

Въ объятьяхъ друга даннымъ вами счастьемъ
Вѣкъ наслаждаться буду, благодарный.
Проклятье спало, слышу это сердцемъ;
Я слышу, ужъ умчались Евмениды
Въ свой Тартаръ, и далеко гулъ раздался
Желѣзныхъ вратъ, захлопнутыхъ за ними.
Земля живымъ благоуханьемъ вѣетъ
И манитъ въ даль равнинъ своихъ безбрежныхъ
На подвиги, на радость милой жизни.

Пиладъ.

Не тратьте даромъ времени. Пусть вѣтеръ,
Вздымающій нашъ парусъ, принесетъ насъ
Къ Олимпу; тамъ вполнѣ мы вкусимъ радость.
Идемъ. Нужна здѣсь скорая рѣшимость.

АКТЪ IV.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ифигенія.

Удѣлить небожители
Думаютъ сыну земли
Много смутныхъ волненій,
И готовятъ ему
Переходъ глубокопотрясающій
Отъ радости къ горю,
Отъ страданій къ веселью,
То, чтобъ въ часъ тяжелый нужды
Была и помощь готова,
Воспитаютъ ему
Въ близкой отчизнѣ

Иль на чужомъ берегу
Спокойнаго друга.
Благословите нашего Пилада
И все, что ни предприметъ онъ, о боги!
Длань юноши на битвѣ у него,
Взоръ старца проницательный въ совѣтѣ.
Его душа ясна; хранитъ она
Неоцѣненное, святое благо
Спокойствія; блуждающему другу
Отъ сердца онъ даетъ совѣтъ и помощь.
Увлекъ онъ брата отъ меня, которымъ
Довольно не могла налюбоваться;
Усвоить счастья я была не въ-силахъ;
Къ его груди припала, позабывъ,
Какъ близко насъ опасность окружаетъ.
Теперь идутъ свой замыселъ исполнить
Они къ заливу, гдѣ корабль, укрытый
Со спутниками, только знака ждетъ.
И мудрое они вложили слово
Въ уста мнѣ, научивъ, что́ отвѣчать
Должна царю я, какъ пришлетъ за мной
И жертву тотчасъ повелитъ исполнить.
Ахъ! какъ дитя, должна я покориться.
Я не училась что-либо таить
И хитростью выманивать. Увы!
Ложь лицемѣрная! она груди,
Какъ всякое другое слово правды,
Не облегчитъ, утѣхой намъ не будетъ.
Того лишь, кто куетъ ее тайкомъ,
Она въ боязнь приводитъ; какъ стрѣла,
Пущенная изъ лука, возвратясь,
Уклонена рукой боговъ отъ цѣли,

Она разитъ стрѣлка-же самого.
Вся грудь моя взволнована заботой.
Быть можетъ, снова фурія терзаетъ
На берегу неосвященномъ брата?
Они открыты, можетъ! Слышу, вотъ
Идутъ, звеня оружьемъ.... здѣсь ужъ!... это
Спѣшитъ царевъ посланникъ. Бьется сердце.
Душа помрачена моя при мысли,
Какъ человѣку мнѣ глядѣть въ лицо, *)
Котораго должна я встрѣтить ложью.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ифигенія. Аркасъ.

Аркасъ.

Скорѣе, жрица, къ жертвѣ приступи:
Царь ждетъ давно и ужъ народъ собрался.

---

*) Мы видѣли, что третій актъ окончился примиреніемъ Ореста со своею совѣстью. Теперь развивается другая, внутренняя борьба въ сердцѣ Ифигеніи за благодарность къ Тоасу,—борьба, которой начало положено еще въ первомъ актѣ. Если, еще не зная брата Ифигенія готова была отвергнуть всѣ почести, чтобы возвратиться въ отчизну, то тѣмъ могущественнѣе стало это стремленіе теперь, когда братъ ей возвращенъ и она успѣла спасти его силою любви своей и чистоты душевной. Но едва одно чувство было удовлетворено, въ душѣ заговорилъ новый голосъ: Ифигенія вспомнила, что обманъ не послужитъ къ спасенію ея дома, отягченнаго и безъ того преступленіями, что болѣе чѣмъ когда-либо обязана она благодарностью къ Тоасу, самый гнѣвъ котораго происходилъ отъ любви къ ней. Разрѣшеніе этой новой и послѣдней борьбы найдемъ въ пятомъ актѣ.

Ифигенія.

Свершила-бъ я мой долгъ и то, о чемъ
Напоминаешь мнѣ, когда-бъ нежданно
Не встрѣтилось препятствіе тому.

Аркасъ.

Что-жъ царскому могло-бъ мѣшать приказу?

Ифигенія.

То случай, надъ которымъ мы не властны.

Аркасъ.

Скажи-же, донесу ему скорѣе:
Рѣшилъ онъ смерть обоихъ безвозвратно.

Ифигенія.

Ея еще не разрѣшили боги.
Изъ этихъ двухъ людей виновенъ старшій,
Что близкую, родную пролилъ кровь.
За нимъ повсюду фуріи слѣдятъ,
И даже здѣсь въ святилищѣ онъ былъ
Объятъ недугомъ, и святое мѣсто
Осквернено присутствіемъ его.
Спѣшу теперь съ прислужницами къ морю
Омыть волною чистой ликъ богини
И совершить таинственный обрядъ,
Чтобъ не нарушилъ кто нашъ ходъ безмолвный!

Аркасъ.

О новомъ семъ препятствіи сейчасъ

Я извѣщу царя; святое дѣло
Начнешь не прежде, какъ дозволитъ онъ.

Ифигенія.

Исполнить это можетъ только жрица.

Аркасъ.

Столь рѣдкій случай долженъ знать и царь.

Ифигенія.

Его совѣтъ и воля здѣсь не нужны.

Аркасъ.

Для виду нужно сильнаго спросить.

Ифигенія.

Того не требуй, въ чемъ я откажу.

Аркасъ.

Я требую, что для тебя полезно.

Ифигенія.

Ступай-же, если только не замедлишь.

Аркасъ.

Я въ станъ схожу съ извѣстіемъ въ минуту
И чрезъ минуту буду здѣсь съ отвѣтомъ.
О еслибъ вѣсть еще я могъ отнесть,
Всѣмъ затрудненій нынѣшнихъ рѣшенье:
Ты не хотѣла внять совѣту друга.

Ифигенія.

Все, что могла, я сдѣлала охотно.

Аркасъ.

Еще въ свой срокъ ты перемѣнишь мысли.

Ифигенія.

Ужъ это болѣе не въ нашей власти.

Аркасъ.

Лишь потому считаешь невозможнымъ,
Что небольшаго требуетъ усилья.

Ифигенія.

Возможнымъ это кажется тебѣ,
Желаніемъ обманутому тщетнымъ.

Аркасъ.

И ты на все рѣшишься такъ спокойно?

Ифигенія.

Богамъ на волю все я предала.

Аркасъ.

Они людей спасаютъ милосердно.

Ифигенія.

Рѣшится все по мановенью ихъ.

Аркасъ.

Я говорю, въ твоихъ рукахъ рѣшенье.
Лишь раздраженный духомъ царь желаетъ

Печальной смерти этимъ чужеземцамъ.
Жестокихъ жертвъ кровавые обряды
Отвыкло войско видѣть ужъ давно.
Ужъ не одинъ, противною судьбой
На чуждый берегъ занесенный, знаетъ,
Какъ божески несчастнаго скитальца,
Гонимаго изъ родины, встрѣчаетъ
Взоръ дружелюбный, кроткій человѣка.
О, не лиши насъ помощи своей,
Тебѣ легко начатое окончить:
Всего скорѣе, образъ человѣка
Пріявшая, съ небесъ нисходитъ кротость,
Чтобъ поселиться тамъ, гдѣ дикъ еще
Младой народъ, но полонъ жизни, силы
И мужества, оставленъ самъ себѣ
И робкому предчувствію, уныло
Несетъ земной, тяжелой жизни бремя.

Ифигенія.

Не потрясай души моей: ее
Къ своей ты волѣ наклонить не можешь.

Аркасъ.

Пока еще есть время, не жалѣю
Ни добраго совѣта, ни труда.

Ифигенія.

Себѣ даешь напрасный трудъ, а мнѣ
Безъ нужды горесть: такъ оставь меня.

Аркасъ.

Я эту горесть въ-помощь призываю:

Намъ другъ она, совѣтникъ добрый нашъ.

Ифигенія.

Она сжимаетъ крѣпко сердце мнѣ,
Но все-жъ не уничтожитъ отвращенья.

Аркасъ.

И чувствуетъ прекрасная душа
Одно лишь отвращенье за добро,
Дарованное честнымъ человѣкомъ.

Ифигенія.

Да, если честный хочетъ мной владѣть,
А благодарности моей не принялъ.

Аркасъ.

Кто склонности не чувствуетъ, тому
Легко найти слова для оправданья.
Иду сказать царю, что здѣсь случилось.
О, еслибъ чаще ты твердила сердцемъ,
Какъ поступалъ съ тобой онъ благородно
Отъ самаго прибытья твоего!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ифигенія. (*одна*)

Не во-время мнѣ этотъ человѣкъ
Всю душу растерзалъ своею рѣчью.
Мнѣ страшно! Какъ волна въ потокахъ быстрыхъ
Растетъ, растетъ и заливаетъ камни,

Лежащіе въ песку береговомъ,
Такъ сердце все мнѣ радость обнимала.
Я невозможное въ рукахъ держала.
Казалось, тихо облако меня
Укрыло вновь, и отъ земли умчало,
Тѣмъ убаюкавъ сномъ, которымъ вѣжды
Мнѣ добрая богиня осѣнила,
Когда рука ея меня спасла.
Приникло сердце къ брату съ дивной силой,
Его лишь друга я словамъ внимала,
Лишь ихъ спасти душа моя стремилась,
И какъ пловцу пріятно миновать
Утесистаго острова прибрежья,
Такъ позади меня Таврида скрылась.
Теперь-же голосъ вѣрнаго мнѣ мужа
Прогналъ мой сонъ, напомнивъ снова мнѣ,
Что также здѣсь людей я оставляю.
Вдвойнѣ теперь обманъ мнѣ ненавистенъ.
О, успокойся, сердце! Уже поздно
Сомнѣньемъ колебаться: этотъ берегъ,
Печальный одиночества пріютъ,
Оставить должно! Снова примутъ волны
Тебя, бушуя; въ робости унылой
Себя и свѣта не узнало ты.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ифигенія. Пиладъ.

Пиладъ.

Гдѣ-жъ, гдѣ она? скорѣй-бы передать ей
Вѣсть радостную нашего спасенья.

Ифигенія.

Я здѣсь, полна заботы и тревоги,
И жду лишь отъ тебя утѣхи вѣрной.

Пиладъ.

Ужъ исцѣленъ твой братъ! Въ пески и скалы,
На брегъ неосвященный мы ступили,
Увлечены веселымъ разговоромъ.
Ужъ роща позади осталась; мы
Того не замѣчали. Все прекраснѣй,
Живѣе пламя юности сіяло
Вкругъ головы его кудрявой; взоръ,
Исполненный надежды и отваги,
Горѣлъ восторгомъ полнымъ; предался
Весь радости своимъ свободнымъ сердцемъ,
Весь наслажденью онъ: спасти свою
Спасительницу вѣрную и друга.

Ифигенія.

О, будь-же ты благословленъ, и пусть
Изъ добровѣстныхъ устъ твоихъ вовѣки
Звукъ жалобы и скорби не раздастся.

Пиладъ.

Еще скажу я: свитою блестящей
Окружено, какъ царь, приходитъ счастье:
И спутниковъ нашли мы. Между скалъ
Укрывши въ тѣсной бухтѣ свой корабль,
Они сидѣли въ грустномъ ожиданьи;
Увидѣвъ брата твоего, они

Всѣ съ кликомъ поднялись и стали дружно
Молить скорѣй отъѣздомъ поспѣшить.
Хватался каждый за весло рукою,
И даже вѣтръ, замѣтили то всѣ,
Вдругъ отъ земли крыломъ повѣялъ тихимъ.
То поспѣшимъ, веди меня во храмъ,
Дозволь вступить въ святилище, дозволь
Съ почтеньемъ взять предметъ желаній нашихъ.
Одинъ я въ-силахъ на привычныхъ плечахъ
Перенести богини истуканъ.
О, какъ стремлюся я къ желанной ношѣ!

(*При послѣднихъ словахъ идетъ въ храмъ, не замѣчая, что Ифигенія остается на мѣстѣ; наконецъ онъ оборачивается*).

Глядишь, трепещешь ты... скажи... молчишь?
Ты смущена какъ будто! Или снова
Разрушиться готово наше счастье?
Скажи мнѣ: ты передала царю
Хитро обдуманное нами слово?

Ифигенія.

Да, милый другъ; но побранишь меня:
Твой видъ теперь безмолвнымъ мнѣ упрекомъ.
Пришелъ царевъ посолъ, и какъ вложилъ
Ты рѣчь въ уста мнѣ, такъ сказала я.
Онъ, мнится, удивленъ былъ; убѣждалъ
О небываломъ случаѣ сперва
Дать знать царю и у него спросить,
Какъ дѣлать; вотъ, я жду его возврата.

Пиладъ.

О горе! снова носится бѣда

Надъ нашей головой. Зачѣмъ себя ты
Не облекла по праву жрицы тайной?

Ифигенія.

Какъ тайной, этимъ правомъ никогда
Не пользовалась я.

Пиладъ.

То такъ погубишь
Себя и насъ, прекрасная душа!
Зачѣмъ объ этомъ прежде я не думалъ,
Не научилъ тебя, какъ уклониться
Отъ требованья этого.

Ифигенія.

Брани
Одну меня... виновна, это знаю;
Но какъ его иначе было встрѣтить?
Онъ требовалъ и строго и разумно,
Что справедливымъ я должна признать.

Пиладъ.

Опасность все страшнѣе; но и такъ
Не оробѣемъ мы, иль въ безразсудной
Поспѣшности не выдадимъ себя.
Спокойно жди, какъ посланный вернется,
И чтобы ни принесъ онъ, будь тверда,
Затѣмъ, что дѣло не царя, а жрицы
Устроить освятительный обрядъ.
А видѣть пожелаетъ чужеземца,
Суровымъ отягченнаго недугомъ, —

То отклони его, сказавъ, что въ храмѣ
Скрываешь насъ обоихъ. Такъ свободу
Даруй намъ, чтобъ отсель скорѣй летѣли,
Отнявъ у недостойнаго народа
Сокровище святое. Аполлонъ
Счастливѣйшія знаменья намъ шлетъ.
Божественно, едва хотимъ исполнить
Условье мы, свое ужъ обѣщанье
Свершаетъ онъ: Орестъ здоровъ, свободенъ!
Съ освобожденнымъ, о попутный вѣтеръ,
Неси, неси скорѣе черезъ море
Насъ къ острову-скалѣ, жилищу бога,
Потомъ въ Микены, чтобъ свершилось это:
Пускай на очагѣ боговъ домашнихъ
Потухшій пепелъ возродится вновь,
И озарится радостнымъ огнемъ
Жилище ихъ. Пускай твоя рука
Изъ чаши золотой имъ сыплетъ первый
Благоуханный даръ. За тотъ порогъ
Ты принесешь спасеніе и жизнь,
Сотрешь проклятье и твоихъ украсишь
Цвѣтами жизни новой и прекрасной.

Ифигенія.

О милый! слушаю тебя, то сердце,
Согрѣтое лучами словъ твоихъ,
Обращено ужъ все къ утѣхѣ сладкой,
Какъ къ солнцу животворному цвѣтокъ!
Какъ дорога присущаго намъ друга
Порою рѣчь: ея небесной силы
Ждетъ одинокій, въ думы погруженъ.
Утаены въ груди, въ немъ тихо зрѣютъ

Мысль и рѣшенье, разовьются вдругъ
Въ присутствіи насъ любящаго друга.

Пиладъ.

Прощай! Спѣшу скорѣе успокоить
Друзей: они въ томленьи тяжкомъ ждутъ.
Въ мигъ возвращусь и, за скалой укрытый,
Здѣсь буду я, пока не дашь мнѣ знака.
Что пріуныла? Тѣнью тихой грусти
Покрылось вдругъ свободное чело.

Ифигенія

Прости! какъ тучки легкія предъ солнцемъ,
Мнѣ черезъ душу легкія заботы
Проходятъ боязливо.

Пиладъ.

Не страшись!
Обманчиво живутъ въ союзѣ тѣсномъ
Съ бѣдою страхъ—сопутники другъ другу.

Ифигенія.

Я чту мою заботу: мнѣ она
Велитъ не обмануть, не обокрасть
Царя—отца втораго моего.

Пиладъ.

Его бѣжишь ты, какъ убійцы брата.

Ифигенія.

Онъ тотъ-же самый, что добро творилъ.

Пиладъ.

Тутъ нѣтъ неблагодарности: нужда
Ужъ такъ велитъ.

Ифигенія.

Неблагодарность есть;
Нужда лишь можетъ оправдать ее.

Пиладъ.

Конечно, предъ людьми и предъ богами.

Ифигенія.

Но не спокойно собственное сердце.

Пиладъ.

Строга некстати скрытая въ немъ гордость.

Ифигенія.

Лишь чувствую, изслѣдовать не мнѣ.

Пиладъ.

Себя-бы чтила, чувствуя, какъ должно.

Ифигенія.

Одно лишь сердце чистое вполнѣ
И наслаждаться можетъ.

Пиладъ.

То не даромъ
Себя скрывала въ храмѣ; жизнь насъ учитъ
Съ другими и съ собой быть меньше строгимъ:

Сама узнаешь это. Такъ чудесно
Устроенъ родъ нашъ, такъ неразрѣшимо
Запутано и смѣшано въ немъ все,
Что врядъ-ли кто въ себѣ или съ другими
Въ поступкахъ чистъ и ясенъ можетъ быть.
Но и не намъ судить самихъ себя.
Ближайшій, первый человѣка долгъ—
Идти и на свою смотрѣть дорогу:
Что сдѣлалъ, рѣдко онъ оцѣнитъ вѣрно;
Что дѣлаетъ, цѣнить почти не знаетъ.

Ифигенія.

Почти ты убѣдилъ меня.

Пиладъ.

Гдѣ нѣтъ
Ужъ выбора, тамъ нужно-ль убѣжденье?
Спасти себя и брата вмѣстѣ съ другомъ
Одинъ лишь путь: вопросъ—идти-ль по немъ?

Ифигенія.

О, дай помедлить! Самъ не допустилъ-бы
Такой несправедливости предъ тѣмъ,
Кому ты былъ-бы за добро обязанъ.

Пиладъ.

Когда погибнемъ мы, упрекъ жесточе,
Отчаянье тебѣ удѣломъ будетъ.
Какъ видно, ты потерь не испытала,
Что въ избѣжанье грозныхъ бѣдъ не хочешь
Пожертвовать однажды ложнымъ словомъ.

Ифигенія.

О, будь во мнѣ лишь мужеское сердце,
Что́ если смѣлый замыселъ питаетъ,
Ужъ на другой совсѣмъ закрыто голосъ!

Пиладъ.

Напрасно уклоняешься: надъ нами
Судьбы рука желѣзная; ея
Одно движенье высшій намъ законъ,
Которому покорны сами боги.
Безсмертной дѣвой надо всѣмъ безмолвно
Царитъ Необходимость; что возложитъ,
Неси, и что прикажетъ, исполняй.
Ты остальное знаешь. Возвращусь
Я скоро, чтобъ изъ чистыхъ рукъ твоихъ
Принять залогъ спасенья благодатный.

Ифигенія (*одна*).

Должна ему послѣдовать: къ друзьямъ
Бѣда такъ близко... Но, увы! что будетъ
Со мной, о томъ страшусь, страшусь подумать...
И не спасти ужъ мнѣ надежды тихой,
Взлелѣянной средь жизни одинокой?
Проклятье это вѣчно будетъ въ силѣ?
И этотъ родъ не встанетъ никогда
Съ благословеньемъ новымъ? То возьмите
Все отъ меня... Коль радостное счастье
И сила жизни лучшая увянутъ,
Зачѣмъ-же не проклятье? Такъ напрасно
Надѣялася я, сокрыта здѣсь,
Чужда судьбы, родныхъ моихъ постигшей,

Рукой моей и сердцемъ непорочнымъ
Отъ тяжкой скверны домъ очистить нашъ!
Едва такъ чудно и такъ скоро братъ
Въ моихъ рукахъ отъ лютаго недуга
Былъ исцѣленъ, едва давно желанный
Корабль везти меня въ отчизну прибылъ,
Какъ рокъ слѣпой ужъ на меня двойное
Рукой желѣзной бремя наложилъ:
Священный, многочтимый ликъ богини,
На попеченье данный мнѣ, похитить
И обмануть того, кому я жизнью
И участью обязана моей.
О, чтобъ еще вражда въ душѣ моей
Не зародилась!—Ненависть Титановъ,
Боговъ старинныхъ яростная злоба
Къ вамъ, Олимпійцы, чтобъ и нѣжной груди
Когтями ястребиными не сжала!
Спасите вы меня и образъ вашъ
Въ душѣ моей спасите!
Раздается
Еще въ мой слухъ старинной пѣсни звукъ.
Охотно-бъ я ее забыть могла;
Ту пѣснь когда-то грозно пѣли Парки,
Какъ Танталъ палъ съ престола золотаго:
Боролся тщетно съ ними мужъ; кипѣла
Въ груди ихъ ярость, пѣснь была ужасна.
Ее кормилица, я помню, въ дѣтствѣ
Пѣвала часто мнѣ, сестрѣ и брату.

Родъ людской,
Страшися боговъ!
Безсмертною рукою
Власть они держатъ

И могутъ по волѣ
Направить ее.

Кто ими возвышенъ,
Страшись ихъ вдвойнѣ!
На тучахъ, утесахъ
Стоятъ ихъ престолы,
Вкругъ трапезъ златыхъ.

Возникнетъ вражда,
То падаютъ гости
Съ обидой, съ позоромъ
Въ глубокія бездны;
И ждутъ тамъ напрасно,
Чтобъ судъ справедливый
Отъ узъ разрѣшилъ.

Они же сидятъ,
Блаженствуя вѣчно
Вкругъ трапезъ златыхъ.
Они переходятъ
Чрезъ горы, чрезъ бездны.
Изъ пропастей темныхъ,
Дымясь, къ нимъ струится
Какъ жертвенный дымъ
Иль облакъ прозрачный,
Дыханье Титановъ,
Задавленныхъ ими.
Властители-боги
Отъ цѣлаго рода,
Дарующій счастье,
Свой взоръ отвратятъ,—
И видѣть во внукѣ

Они избѣгаютъ
Любимыя прежде,
Безмолвно гласящія
Прадѣда черты.
Такъ пѣснь пѣли Парки
И пѣсню ихъ слышалъ
Въ подземныхъ пещерахъ
Изгнанникъ-старикъ;
О дѣтяхъ и внукахъ
Подумалъ, и грустно
Тряхнулъ головой *).

АКТЪ V.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тоасъ. Аркасъ.

Аркасъ.

Смущенный, сознаюсь, и самъ не знаю,
Куда свое направить подозрѣнье?
На плѣнниковъ, задумавшихъ бѣжать,
На жрицу-ли, что тайно ихъ скрываетъ?
Молва все больше, что корабль, принесшій
Обоихъ ихъ, сокрытъ здѣсь гдѣ-то въ бухтѣ.
И пришлеца недугъ и освященье —
Предлогъ одинъ, чтобъ выиграть лишь время.

---

*) Подъ изгнанникомъ-старикомъ здѣсь разумѣется тотъ-же прапрадѣдъ Танталъ. Пѣснь Ифигеніи во всемъ носитъ античный характеръ пѣсней, посвященныхъ Евменидамъ. Передъ тѣмъ еще Пиладъ говорилъ о всесильной власти неумолимаго рока, и, кажется, подобно драмамъ Есхила, трагедія Гете ведетъ къ прославленію

Тутъ ясно все и довѣрять не должно.

Тоасъ.

Пускай сюда придетъ скорѣе жрица!
Потомъ идите, зорко и поспѣшно
Отъ мыса до священной рощи берегъ
Весь осмотрите, не вступая въ рощу;
Устройте лишь искусную засаду,—
И гдѣ найдете ихъ, тотчасъ схватите.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тоасъ (*одинъ*).

Терзаетъ грудь мнѣ желчная досада:
Какъ на нее,—ее столь непорочной
Привыкъ считать я—такъ и на себя;
Ее къ измѣнѣ самъ я приготовилъ
Своею добротой и снисхожденьемъ.
Легко привыкнетъ къ рабству человѣкъ
И склонитъ выю, если у него
Совсѣмъ отнять свободу. Да, когда-бы
Она моимъ попала предкамъ въ руки,
То—пощади ее законный гнѣвъ—

этой слѣпой силы необходимости. Но читатель уже чувствуетъ, что готовится иная развязка, для которой данными служатъ свободная, непреклонная энергія воли въ душѣ Ифигеніи и благородный характеръ Тоаса. Послѣ примиренія съ богами, сила рока не могла имѣть значенія: все зависѣло только отъ свободнаго рѣшенія дѣйствующихъ лицъ, и пятый актъ выводитъ всѣхъ главныхъ борцевъ на арену, гдѣ побѣдителями являются Орестъ и Ифигенія: истинное мужество и душевная кротость.

Была-бы рада тѣмъ ужъ, что спаслась,
И, благодарна за свою судьбу,
Кровь чуждую охотно пролила-бы
Предъ алтаремъ, назвавши нужду долгомъ.
Теперь, на доброту мою надѣясь,
Она ужъ дерзкій замыселъ куетъ.
Напрасно привязать ее къ себѣ
Мечталъ я: ей мила судьба иная.
Мнѣ душу обольстить она умѣла
Ласкательствомъ; теперь ему противлюсь...
И вотъ ужъ ищетъ чрезъ обманъ и хитрость
Пути себѣ; ей доброта моя
Какъ старое изношенное платье.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ифигенія. Тоасъ.

Ифигенія.

Ты звалъ! чего-же требуешь отъ насъ?

Тоасъ.

Ты медлишь жертвою—скажи, зачѣмъ?

Ифигенія.

Все ясно разсказала я Аркасу.

Тоасъ.

Я могъ-бы больше отъ тебя узнать

Ифигенія.

Тебѣ даетъ богиня срокъ подумать.

Тоасъ.

Тебѣ лишь, мнится, нуженъ этотъ срокъ.

Ифигенія.

Когда совсѣмъ въ рѣшеніи жестокомъ
Ужъ затвердѣло сердце у тебя,
Пришелъ напрасно!.. Царь безчеловѣчный
Найдетъ довольно слугъ, готовыхъ жадно
Принять проклятья половину въ дѣлѣ
За милость или плату; но его
Присутствіе ничѣмъ не осквернится.
Онъ смерть готовитъ, скрытъ въ тяжелой тучѣ,
И лишь гонцы губительное пламя
Его приносятъ на главы несчастныхъ;
А онъ паритъ на высотахъ спокойно,
Какъ богъ недосязаемый въ грозѣ.

Тоасъ.

Какъ дики, жрица, звуки устъ твоихъ!

Ифигенія.

Не жрица, нѣтъ! я дочь Агамемнона!
Ты неизвѣстной слово чтилъ и хочешь
Повелѣвать надъ дочерью царя?
Я съ юности училась покоряться
Родителямъ сперва, потомъ богамъ;
Но все-жъ моя покорная душа

Всегда была вполнѣ, вполнѣ свободна.
Ни тамъ, ни здѣсь не мыслила робѣть я
Предъ жесткимъ словомъ, грубой волей мужа.

Тоасъ.

Не я, законъ старинный такъ велитъ.

Ифигенія.

Хватаемся мы жадно за законъ,
Когда орудьемъ служитъ нашей страсти.
Другой законъ, старѣйшій, мнѣ велитъ
Противиться тебѣ: онъ намъ гласитъ,
Что каждый странникъ святъ.

Тоасъ.

Какъ видно, очень
Ужъ близки къ сердцу плѣнники тебѣ;
Увлечена сочувствіемъ, забыла
Ты первый мудрости уставъ, что сильныхъ
Опасно слишкомъ раздражать.

Ифигенія.

Смолчу
Или скажу, равно ты можешь знать,
Что̀ на сердцѣ моемъ теперь и вѣчно.
Ужель объ участи подобной мысль
Для состраданья сердца не раскроетъ?
Мое тѣмъ больше! въ нихъ себя я вижу,
Сама предъ алтаремъ я трепетала;
Смерть ранняя носилась надо̀ мной,
Колѣнопреклоненной; ножъ сверкалъ ужъ
Чтобъ грудь пронзить, исполненную жизни.

Въ душѣ крутился вихремъ ужасъ, око
Мое затмилось, вдругъ... я спасена!
Мы не должны-ли воздавать несчастнымъ,
Что милосердно намъ даруютъ боги.
Меня ты знаешь и принудить хочешь.

Тоасъ.

Покорствуй долгу твоему, не мнѣ.

Ифигенія.

Оставь! не разукрашивай насилья,
Чтó властвуетъ надъ слабостію женской.
Я родилась свободной, какъ мужчина.
Когда-бъ стоялъ Агамемнона сынъ
Передъ тобой, и требовать ты сталъ бы,
Чего не должно, мечь и руку онъ
Нашелъ-бы для защиты правъ своихъ.
Одни слова имѣю я: кто честенъ,
Пусть также слово женщины почтитъ.

Тоасъ.

Его я больше чту, чѣмъ брата мечъ.

Ифигенія.

Измѣнчива всегда судьба оружья;
Врагомъ своимъ не презритъ мудрый воинъ.
И слабому природа даровала
Защиту противъ твердости жестокой.
Онъ любитъ хитрость, знаетъ всѣ уловки,
Уступитъ, выждетъ... смотришь: обойдетъ.
Да, сильный стоитъ часто быть обманутъ.

Тоасъ.

На хитрость есть и средство: осторожность.

Ифигенія.

Но сердцу чистому чужда и хитрость.

Тоасъ.

Свой приговоръ ты смѣло произносишь.

Ифигенія.

О еслибъ зналъ, какъ борется душа
Во мнѣ, чтобъ первый отклонить ударъ
Судьбины злой, сразить меня готовой?
То безоружной предъ тобой стою?
Отвергнулъ ты прекрасную мольбу,
Ту вѣтку мира, что въ рукахъ у женщинъ
Сильнѣе всѣхъ оружій и мечей.
Чѣмъ защитить свою теперь мнѣ душу?
Богиню-ль призову для чуда? Силъ-ли
Ужъ нѣтъ во глубинѣ моей души?

Тоасъ.

Какъ видно, плѣнниковъ судьба безмѣрно
Тебя тревожитъ. Кто они? скажи:
Кого съ такимъ ты жаромъ защищаешь?

Ифигенія.

Они... они... мнѣ кажется, что греки.

Тоасъ.

Единоземцы? И въ тебѣ нашли
Прекрасный образъ родины далекой?

Ифигенія (*помолчавъ*).

Уже-ль дерзнуть на подвигъ небывалый
Одинъ мужчина смѣетъ? Невозможность
Лишь онъ удержитъ на груди геройской?
Что назовешь великимъ? Что пѣвца
Въ разсказѣ старомъ, новымъ окрыляетъ
Восторгомъ каждый разъ? Лишъ подвигъ смѣлый,
Съ надеждой малой на успѣхъ зачатый.
Кто въ ночь прокрался къ вражескому стану
И вдругъ, какъ пламя, яростно ударилъ
На спящихъ, полусонныхъ—наконецъ
Въ табунъ коней отбитъ врагомъ возставшимъ,
Но все-же возвращается съ добычей,
Одинъ-ли славенъ онъ? *) Одинъ-ли тотъ,
Кто, безопасный путь презрѣвъ, идетъ
Отважно черезъ горы и лѣса,
Чтобъ отъ разбойниковъ страну избавить?
Что-жъ намъ осталось? Нѣжная жена
Должна-ли отъ природныхъ правъ своихъ
Отречься, дикой съ дикимъ быть и право
Меча отнять у васъ, какъ Амазонки,
И кровью за обиду мстить? Но грудь
Взволнована отважнымъ предпріятьемъ.
Не избѣгу я грознаго упрека
И гибели, когда мнѣ не удастся...
То все вамъ въ руки предаю! когда
Правдивы вы, какъ славятъ васъ повсюду,

---

*) Здѣсь намекъ на Діомеда, о подвигѣ котораго разсказывается въ Иліадѣ. Впрочемъ, слова Ифигеніи имѣютъ общій смыслъ, потому что она ничего не знала о дѣлахъ Троянскихъ.

Участьемъ это вашимъ докажите,
И правду возвеличьте чрезъ меня.
Такъ, знай, о царь! готовъ обманъ искусный;
Напрасно ищешь плѣнниковъ; ихъ нѣтъ:
Они къ своимъ отправились друзьямъ,
На берегу ихъ ждущимъ въ кораблѣ.
Старѣйшій, что недугомъ былъ объятъ
И нынѣ исцѣлился—то Орестъ,
Мой братъ; другой-же—искренній его
Отъ дѣтства другъ, по имени Пиладъ.
Ихъ Аполлонъ изъ Дельфъ на этотъ берегъ
Съ божественнымъ велѣніемъ прислалъ
Похитить ликъ Діаны, возвратить
Ему сестру и обѣщалъ за это
Освободить отъ фурій бѣглеца,
Пролившаго кровь матери родимой.
Обоихъ насъ, изъ Танталова рода
Послѣднихъ, предаю тебѣ во власть.
Губи, когда дерзнешь.

Тоасъ.

Ты полагаешь,
Гласъ человѣчества и правды гласъ
Услышитъ грубый скиѳъ, когда имъ грекъ,
Атрей не внялъ?

Ифигенія.

Пускай ихъ слышитъ каждый,
Подъ тѣмъ или другимъ рожденный небомъ,
Кому источникъ жизни черезъ грудь
Течетъ свободно, ясно.... Что молчишь?
Что мыслишь царь во глубинѣ души?

Погибель? то убей меня сперва!
Теперь, какъ намъ ужъ нѣтъ пути къ спасенью
Я чувствую всю глубину несчастья,
Въ которое съ поспѣшностью излишніе
Умышленно повергнула я милыхъ.
Увы! ихъ въ узахъ предъ собой увижу!
Какимъ должна, прощаясь, встрѣтить взоромъ
Я брата, убиваемаго мною!
Взглянуть и въ очи я ему не въ-силахъ!

Тоасъ.

Такъ выдумкой обманщики искусно,
Какъ сѣтію, опутали главу
Той, что, скучая долгимъ заключеньемъ,
Имъ ввѣрилась охотно и легко.

Ифигенія.

Нѣтъ, царь, о нѣтъ! Я, можетъ, строю ковы;
Но въ нихъ коварства нѣтъ: они правдивы.
Иначе пусть погибнутъ, и меня
Отвергни; пусть среди печальныхъ скалъ
На островѣ пустынномъ жизнь влачу
Я въ наказанье за мое безумство.
Но если этотъ человѣкъ — мой братъ,
Давно желанный, милый — отпусти насъ.
Будь дружелюбенъ къ брату, какъ ко мнѣ.
Погибъ отецъ мой отъ руки супруги,
Она-жъ чрезъ сына; въ племени Атрея
Послѣдняя надежда на него.
Пусть возвращусь, чиста рукой и сердцемъ,
И отъ проклятья домъ избавлю нашъ.

Ты сдержишь слово! Если мнѣ возвратъ
Къ роднымъ сужденъ когда-либо, клялся ты
Меня пустить: свершилось это нынѣ.
Тревожимъ просьбой, царь не обѣщаетъ,
Какъ человѣкъ простой, чтобъ удалить лишь
Просящаго, не обѣщаетъ также
Того, чего исполнить онъ не можетъ.
Свое вполнѣ достоинство онъ знаетъ,
Когда на просьбы робкаго счастливитъ.

Тоасъ.

Невольно, какъ огонь въ борьбѣ съ водой
Упорствуетъ и силится, шипя,
Преодолѣть врага, въ моей груди
Такъ гнѣвъ съ твоими борется словами.

Ифигенія.

О пусть-же милость, будто кроткой жертвы
Святой огонь, пылаетъ для меня
Съ хвалебной пѣснью, съ благодарнымъ кликомъ!

Тоасъ.

Смягчалъ меня не разъ ужъ этотъ голосъ!

Ифигенія.

О дай-же руку мнѣ въ знакъ мира!

Тоасъ.

Просишь
Ужъ слишкомъ много ты въ короткій срокъ.

Ифигенія.

Творя добро, не нужно разсуждать.

Тоасъ.

Напротивъ! зло и отъ добра выходитъ.

Ифигенія.

Сомнѣнье только зломъ творитъ добро.
Не думай; какъ душа велитъ, исполни.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Орестъ (*вооруженный*). Прежніе.

Орестъ (*за сцену*).

Удвойте силы! Удержите ихъ!
Лишь мигъ одинъ! толпѣ не уступайте,
Чтобъ только на корабль прикрыть дорогу
Мнѣ и сестрѣ.

(*Ифигеніи, не видя царя*).

Пойдемъ, ужъ насъ открыли,
Немного къ бѣгству времени. Скорѣе!

(*Видитъ царя*).

Тоасъ (*хватаясь за мечъ*).

Никто въ моемъ присутствіи не думай
Мечъ обнажить безъ кары.

Ифигенія.

Домъ богини
Не оскверняйте яростью и кровью;
Велите успокоиться толпѣ;
Ты жрицы, ты сестры послушай...

Орестъ.

Кто онъ?
Скажи мнѣ, кто грозитъ намъ?

Ифигенія.

Въ немъ царя
Почти, который былъ вторымъ отцемъ мнѣ!
Прости мнѣ, братъ! Ему я съ дѣтскимъ сердцемъ
Судьбу всю нашу въ руки предала,
Ему въ намѣреньи призналась вашемъ
И душу отъ предательства спасла.

Орестъ.

И дружелюбно онъ отпуститъ насъ?

Ифигенія

Сверкающій твой мечъ не дозволяетъ
Мнѣ отвѣчать.

Орестъ. (*влагая мечь въ ножны*).

Ты видишь, я послушенъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежніе. Пиладъ. (*Вскорѣ послѣ него*) Аркасъ. (*Оба съ обнаженными мечами*).

Пиладъ.

Не медлите! Ужъ наши напрягаютъ
Остатокъ силъ и уступить должны;

Ихъ понемногу оттѣсняютъ къ морю.
Какихъ владыкъ здѣсь нахожу въ бесѣдѣ?
То самъ глава, почтенный царь!

Аркасъ.

Спокойно
Какъ и прилично, царь, тебѣ, стоишь
Ты предъ врагами. Въ этотъ мигъ они
Наказаны за дерзость; уступаетъ
И гибнетъ ихъ отрядъ, корабль ихъ нашъ.
Одно лишь слово и въ огнѣ онъ будетъ!

Тоасъ.

Ступай, вели толпѣ спокойно ждать;
Пока мы говоримъ, враговъ не трогать.
(*Аркасъ уходитъ*).

Орестъ.

Согласенъ я! Иди, любезный другъ,
Сбери остатокъ нашихъ; ждите мирно,
Какой конецъ даруютъ боги намъ.
(*Пиладъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ифигенія. Тоасъ и Орестъ.

Ифигенія.

Меня избавьте отъ заботы прежде,
Чѣмъ говорить начнете. Распри злой
Страшусь я, если, царь, не будешь слушать
Ты кроткаго умѣренности гласа,

А ты, мой братъ, свой юношескій пылъ
Не усмиришь.

Тоасъ.

Удерживаю гнѣвъ,
Какъ старшему прилично. Отвѣчай!
Чѣмъ мнѣ докажешь, что Агамемнона
Ты сынъ и братъ ея?

Орестъ.

Вотъ мечъ, тотъ самый,
Которымъ храбрыхъ онъ Троянъ разилъ.
Его я отъ убійцы взялъ, моля
Боговъ мнѣ даровать отважность, силу
И счастіе великаго царя,
И лучшій дней конецъ назначить мнѣ.
Изъ благородныхъ въ войскѣ избери
Храбрѣйшаго, поставь противъ меня.
Пока есть на землѣ сыны героевъ,
Въ томъ чужеземцу вѣрно не откажутъ.

Тоасъ.

По старому обычью никогда
Такого предпочтенья чужеземцамъ
Здѣсь не давалось *).

---

*) Обычай атлетическихъ состязаній, о которыхъ разсказываетъ и Гомеръ, Гете переноситъ отъ грековъ къ варварамъ; но онъ придаетъ послѣднимъ и многія другія черты, которыя не хотѣли признавать въ нихъ гордые своею образованностью греки. Впрочемъ, вызовъ Ореста и условія, имъ предложенныя, напоминаютъ скорѣе рыцарство среднихъ вѣковъ, чѣмъ современниковъ Агамемнона. Греки сражались только за плѣнницъ, за оружіе, за тѣла друзей своихъ, оставленныхъ на полѣ битвы.

Орестъ.

Такъ начни съ себя,
Съ меня обычай новый! Подражая,
Себѣ въ законъ поставитъ весь народъ
Поступокъ благородный властелина.
И пусть за чужеземцевъ чужеземецъ,
Не за одну свободу я сражусь.
Паду я, то съ моею участь ихъ
Ужъ рѣшена; но ежели побѣду
Даруетъ счастье мнѣ, то съ-этихъ поръ
Пусть всякій, кто на здѣшній берегъ ступитъ,
Встрѣчаетъ взоръ заботливой любви
И на разстаньи будетъ имъ утѣшенъ.

Тоасъ.

Мнѣ кажется, о юноша, достоинъ
Ты предковъ тѣхъ, которыми хвалишься.
Есть благородныхъ, храбрыхъ у меня
Мужей довольно; но и я могу
Въ моихъ лѣтахъ врагу на встрѣчу выйти,
Готовъ съ тобою попытать оружья.

Ифигенія.

Нѣтъ, нѣтъ! Такихъ кровавыхъ убѣжденій
Не нужно, царь! прочь руку отъ меча...
О мнѣ подумай, о моей судьбѣ.
Увѣковѣчитъ храбрый подвигъ мужа:
Падетъ онъ, пѣснь хвалу ему звучитъ.
Но слезы, безконечныя страданья
Оставшейся, покинутой жены
Потомство не считаетъ, и молчитъ

Пѣвецъ о дняхъ проплаканныхъ и ночахъ,
Гдѣ кроткая душа, тоской терзаясь,
Напрасно ждетъ отшедшаго мгновенно
И для нея потеряннаго друга.
Я и сама тревожилась сначала,
То не обманъ ли хищника, который
Меня изъ безопаснаго прiюта
Увлечь желаетъ, чтобъ рабыней сдѣлать.
Старательно о всемъ я разузнала,
И вотъ теперь увѣрена *). Смотри,
На правой у него рукѣ пятно,
Тремъ звѣздочкамъ подобное; явилось
Оно ужъ въ самый день его рожденья
И жрецъ сказалъ тогда, что суждено
Рукѣ сей дѣло тяжкое свершить.
И этотъ вотъ рубецъ, что разсѣкаетъ
Здѣсь бровь ему, вдвойнѣ меня увѣрилъ.
Его дитей Электра въ-торопяхъ
Неосторожно, какъ случалось съ нею,
Сронила съ рукъ и о треножникъ онъ
Ударился, бѣдняжка... Онъ, тотъ самый...
Должна-ли приводить еще я сходство
Съ отцемъ, восторгъ неудержимый сердца
Въ свидѣтельство, чтобъ убѣдить тебя.

*) Въ трагедiи Еврипида „Ифигенiя въ Тавридѣ“ есть цѣлая сцена, гдѣ героиня задаетъ разные вопросы Оресту, чтобы въ этомъ увѣриться. Ничего подобнаго не видно въ третьемъ актѣ „Ифигенiи“ Гете. Героиня съ первой минуты, какъ Орестъ ей открылся, называетъ его своимъ братомъ. Она не думала ни о чемъ разузнавать, а прямо обратилась съ мольбою къ богамъ. Такимъ образомъ настоящiя слова ея должны служить только къ убѣжденiю Тоаса.

Тоасъ.

Пусть рѣчь твоя сомнѣнья всѣ рѣшаетъ,
Пусть укротилъ я гнѣвъ въ моей груди,
То все-жъ оружье дѣло между нами
Должно покончить; мира я не вижу.
Они пришли, сама созналась ты,
Богини ликъ похитить у меня.
Иль мните вы, на это равнодушно
Смотрю я? Грекъ свой взоръ корыстный часто
Къ сокровищамъ далекимъ обращаетъ.
Руно златое, кони, дѣвъ краса
Его въ чужую землю манятъ; жаль лишь,
Что не всегда счастливо удается
Ему домой вернуться съ этимъ кладомъ,
Добытымъ чрезъ насилье и обманъ.

Орестъ.

Царь, ликъ богини ссорить насъ не долженъ.
Теперь ужъ тайна объяснилась эта;
Богъ, путь сюда намъ указавшій, ею
Намъ, какъ покровомъ, осѣнилъ чело.
Просилъ совѣта и освобожденья
Отъ фурій у него я: мнѣ сказалъ онъ:
„Коль въ Грецію ты принесешь сестру,
Что противъ воли на брегу Тавриды
Въ святилищѣ живетъ,—спадетъ проклятье".
Сестру мы Аполлона разумѣли,
Но это о тебѣ изрекъ онъ *). Нынѣ

*) Эти слова говоритъ Орестъ, уже обращаясь къ Ифигеніи. Въ противоположность развязкѣ въ драмѣ того-же имени Еврипида, ликъ Діаны остается въ Тавридѣ. Это придумано Гете не безъ

Разрѣшены ужь тягостныя узы;
Святая, ты возвращена къ своимъ,
И я, тебя коснувшись, исцѣлился.
Въ послѣдній разъ въ твоихъ рукахъ меня
Схватилъ недугъ жестокими когтями,
Весь мозгъ во мнѣ ужасно онъ потрясъ,
Потомъ ушелъ, какъ змѣй, въ свою пещеру.
Вновь наслаждаюсь чрезъ тебя теперь
Дня необъятнымъ свѣтомъ.
Какъ чудесно
Исполнилось рѣшеніе богини!
Какъ ликъ ея, съ которымъ нераздѣльно,
По изрѣченью тайному боговъ,
Ужъ связана вся города судьба,
Тебя она, спасительницу дома,
Спасла и въ тишинѣ святой хранила
На счастье брату и своимъ друзьямъ.
Когда, казалось, всякое спасенье
Потеряно на сей землѣ обширной,
Вдругъ возвращаешь все ты намъ обратно.
О царь, склони свою ты душу къ миру;
Не воспрепятствуй, чтобъ отцовскій домъ
Былъ ужъ избавленъ нынѣ отъ проклятья,
Въ чертоги освященные вернуться
Мнѣ дай и древнюю принять корону.
Разстанься съ благомъ, ею принесеннымъ,
Ближайшимъ правомъ дай мнѣ насладиться!
Правдивостью души высокой этой

цѣли. Присутствіе богини у чужеземцевъ будетъ отнынѣ служить символомъ новыхъ, болѣе кроткихъ обычаевъ, которымъ научила ихъ Ифигенія.

Посрамлено, что высшею хвалою
Мужчинѣ служатъ: хитрость и отвага.
И дѣтская довѣренность пусть будетъ
Для мужа благороднаго наградой.

Ифигенія.

Сдержи-же слово, тронься этой рѣчью,
Произнесенной вѣрными устами
Безхитростно! взгляни на насъ! Не часто
Къ такому благородному поступку
Найдешь ты случай. Нѣтъ, ты не откажешь·
Исполни-же скорѣе.

Тоасъ.

То ступайте.

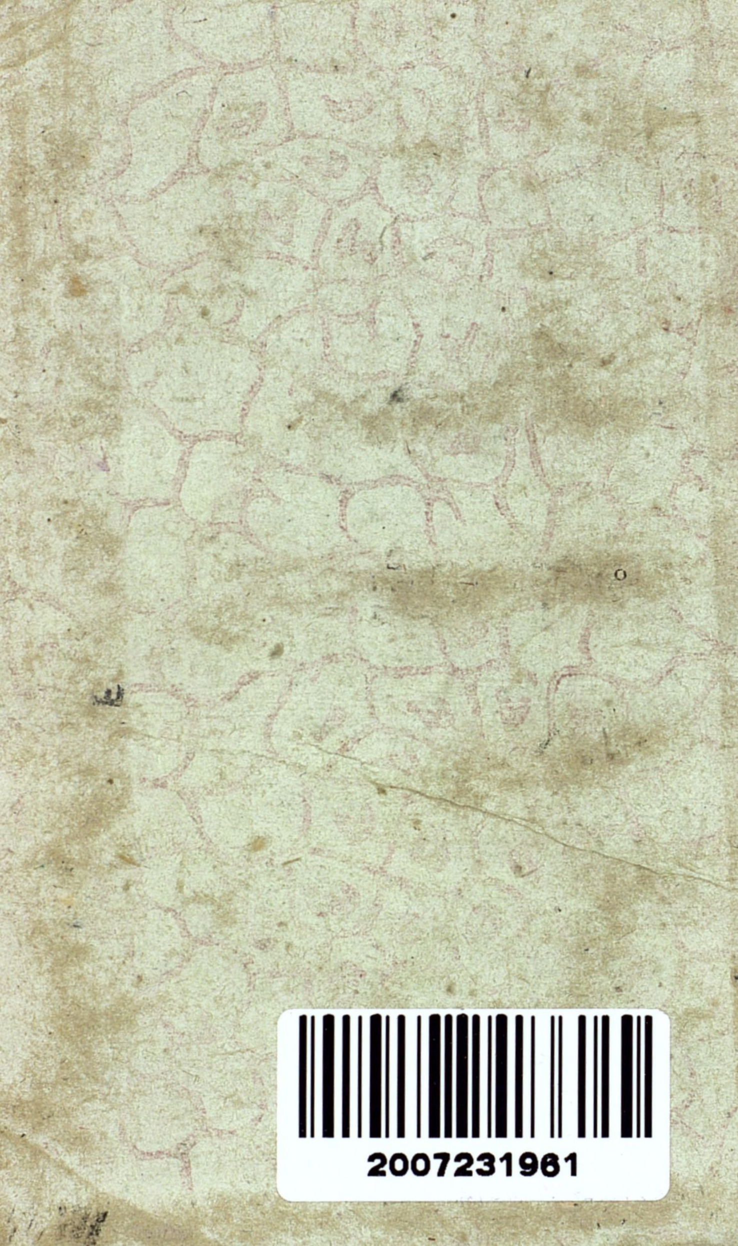
Ифигенія.

Нѣтъ, царь, не такъ! благослови меня;
Я не могу съ тобой разстаться въ ссорѣ.
Не изгоняй насъ! дружескій союзъ
Гостепріимства пусть межъ нами будетъ;
Такъ не на вѣки мы разлучены.
Мнѣ дорогъ, милъ ты, какъ отецъ родной;
Въ душѣ моей пребудетъ это чувство.
Послѣдняго изъ твоего народа
Едва до слуха мнѣ коснется рѣчь,
Которую привыкла слышать здѣсь,
На самомъ бѣдномъ лишь одежду вашу
Увижу, я приму его, какъ бога.
Сама ему я ложе приготовлю
И посажу предъ очагомъ домашнимъ,

И о тебѣ лишь, о твоей судьбѣ
Разспрашивать его я буду. Боги
Пускай даруютъ должную награду
За всѣ дѣла тебѣ, за кротость также.
Прощай-же! о взгляни на насъ, скажи
Намъ на прощанье ласковое слово.
Тогда и вѣтеръ кроткій намъ повѣетъ,
И легче будетъ литься изъ очей
Слезамъ разлуки. Ужь прощай! Даруй мнѣ
Свои права въ залогъ старинной дружбы.

Тоасъ.

Прощайте!

2007231961